

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**ЭВОЛЮЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ ГОРОДОВ
РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВОСТОКА**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 46.03.01. История
очной формы обучения, группы 02031505
Мишениной Марины Владимировны

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Н.Н. Болгов

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ХАРАКТЕР МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ ГОРОДОВ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВОСТОКА.	12
I. 1. Проблема позднеантичной стадии развития города (спор Каждана и Сюзюмова).	12
I. 2. Финансовая основа муниципального управления в эпоху Ранней Византии.	25
ГЛАВА II. ЭВОЛЮЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ НЕКОТОРЫХ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ.	37
II. 1. Развитие муниципальной структуры Антиохии.	37
II. 2. Эволюция муниципального самоуправления Кесарии Палестинской.	43
II. 3. Эволюция местной власти в Херсоне (Херсонесе).	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	75

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Одной из самых обсуждаемых и актуальных в исторической литературе проблем на настоящий момент является позднеантичная эпоха и период ранней Византии. Это вызвано многими факторами. Одной из причин является то, что в данный период времени происходят значительные радикальные перемены практически во всех отраслях общественной жизни. Так же ранневизантийский период это переход византийского общества из стадии античного мира в стадию средневековья. Главным образом, именно провинциальные города сохраняли позднеантичную культуру и оставались на той античной «ступени». Вне всякого сомнения, города изменялись в экономическом, политическом, социальном плане, и эти изменения влекли за собой трансформацию системы городского управления – муниципального самоуправления. Практически во всех городах ранней Византии местные вопросы жизни города решала муниципальная власть, но наиболее привлекательными для изучения являются такие города как Антиохия, Кесария Палестинская и Херсон (Херсонес) из-за наличия специфических черт местного самоуправления в них.

Тем не менее, историография данной темы характеризуется некоторой тенденцией к изучению развития и изменения городского муниципального строя от конкретных социально-экономических реалий. Стабильность и постоянство положения местного городского самоуправления в античный период, «сила курии», основывалась прежде главным образом на роли муниципальной организации в социально-экономической жизни провинциальных городов.

Таким образом, изучение муниципальной структуры ранневизантийских городов позволит оценить политическое, экономическое и социальное положение ранней Византии в целом.

Объектом исследования ранневизантийские города Антиохия, Кесария Палестинская, Херсон (Херсонес).

Предмет исследования – эволюция муниципального строя и специфические особенности городов Антиохия, Кесария Палестинская и Херсон (Херсонес) ранневизантийский период.

Хронологические рамки исследования включают IV – первую половину VII вв.

Территориальные рамки: работа включает рассмотрение территории городов ранневизантийского Востока (Антиохии, Кесарии Палестинской, Херсона).

Цель работы изучить эволюцию муниципального строя городов ранневизантийского Востока.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи:**

1. Изучить муниципальные должности в ранневизантийских городах;
2. Определить иерархию должностных лиц в ранневизантийских провинциях;
3. Рассмотреть финансовую основу городов ранневизантийского Востока;
4. Выявить различия между положением муниципальных и государственных должностных лиц;
5. Проследить эволюцию муниципального строя в таких городах, как Антиохия, Кесария Палестинская и Херсон (Херсонес).

Источниковая база базируется на фундаментальных сочинениях антиохийского схоласта IV в. Либания¹, выступлениях Константинопольского государственного деятеля и философа Фемистия и

---

¹ Либаний. Речи. СПб., 2015.

представителя афинской школы риторики Гимерия². Риторическая проза отличается спецификой, однако, содержит немало полезной информации.

Для V-VI вв. основными источниками будут являться сочинения светских историков Прокопия Кесарийского³, Агафия⁴, Феофилакта⁵, которые содержат основной массив интересующей нас информации.

Самый существенный труд Прокопия Кесарийского – это «История войн» в 8 книгах, которые описывают кампании византийского военачальника VI в. Велизария, в которых Прокопий Кесарийский активно участвовал: «Война с персами», «Война с вандалами» и «Война с готами». В этих трудах описываются политические и военные действия Византийской империи, а так же заключается информация, имеющая большую ценность для данного исследования – данные по жизнедеятельности, структуре городов, которые посещал Прокопий, психологические портреты участников событий и бытовые зарисовки.

Работа «О царствовании Юстиниана», автором которой является Агафий Миринейский (поэт, историк, схоласт Византии VI в.) продолжает исторические работы Прокопия Кесарийского. Труды Агафия описывают середину 550-х гг. (552-558 г.), них описываются войны с различными племенами «варвров» (готов, вандалов, франков и гуннов) и с персами. Данный труд Агафия Миринейского богат информацией об истории, религии и этнографии Византийской империи VI в.

Важен для изучения темы труд Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанный в 948-952 гг. Император описывает не только специфические черты византийского государства и даёт советы

---

² Памятники позднеантичной ораторской и эпистолярной прозы. М., 1964. – 488 с.

³ *Прокопий Кесарийский. История войн Юстиниана. О постройках. Тайная история.* М., 1996. – 522 с.

⁴ *Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана.* М., 1996. – 256 с.

⁵ *Феофилакт Симокатта. История.* М., 1996. – 223 с.

своему наследнику Роману II, но описывает историю, географию, государственное и социальное устройство соседей Византийской империи.

Также важны нормативные источники – Кодекс Феодосия и Кодекс Юстиниана.

Разобраться в структуре византийской администрации помогают труды византийского чиновника VI в. Иоанна Лида⁶.

Значительного внимания требуют данные изучения археологических памятников и комплексов, полученные исследователями в процессе интенсивно проводящихся в последние десятилетия раскопок.

Таким образом, имеющихся источников достаточно для решения задач нашего исследования.

Историография. Исследования муниципального строя городов византийского региона широко представлены в зарубежных и отечественных исследованиях.

Обсуждение византийского города в период «темных веков» в полной мере во всех отношениях началось с XI конгресса византинистов в 1958 г. Именно в это время началась широкая всестороннее обсуждение сосредоточения населения в византийских городах (урбанизации). Доступные опубликованные источники не позволяли увидеть полную картину сложившейся ситуации. Результатом этого стало возникновение двух противоположных теорий о состоянии города при переходе от античности к средневековью. Первой концепции придерживаются ученые, которые считают, что византийский город на данном этапе исторического развития переживал глубокий кризис и упадок, города превращались в «поселки» или крепости в VII—IX вв. Противоположная точка зрения заключается в утверждении, что города в переходный период сохраняли свой статус и состояние, но могли лишиться небольшого количества прежних функций. Советские историки поддерживали обе этих концепции и

---

⁶ *Иоанн Лид* // Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 4: Иоанн Лид / перевод с англ. и сост. М.М. Сеницы под ред. Н.Н. Болгова. – Белгород, 2014. – 176 с.

разделился на два лагеря. К примеру, Е.Э. Липшиц поддерживала теорию о том, что Византия в VIII—IX вв. сохранила прежний статус городов, ремесленное производство и античные пережитки, такие как остатки рабовладельческих отношений ⁷. Противоположную точку зрения поддерживал А.П. Каждан, утверждавший, что византийские города аграгаризировались, товарно-денежные отношения заменялись натуральными ⁸. Не имеет твердой позиции по данному вопросу и поддерживает обе точки зрения М.Я. Сюзюмов, который выявил определенные изменения, происходившие во многих византийских городах изучаемый период ⁹. Так, уральский византинист заметил, что археологические работы и найденные в Херсоне монеты говорят о некоем кризисе в развитии провинциального города Византии, но, в то же время, не о его полном упадке и вымирании: в Византии городов было в разы больше, чем в Западной Европе. Значительно позднее эти же археологические материалы были интерпретированы французской исследовательницей Э. Патлажан совершенно по-другому – она сделала вывод о «массовой смерти» городов.

Зарубежная наука больше ориентировалась на изучение истории ранневизантийской аристократии. Так, например, Р. Гийан делил византийскую знать на 2 вида – старую и новую, которая состояла в основном из чиновников. Научным интересом Р. Гийана является так же изучение консулов, способы и формы получения аристократических титулов

---

⁷ Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М., 1961. – С. 421.

⁸ Каждан А.П. Византийские города в VII—XI вв. // СА. 1954. Т. 21. – С. 164—188; также см.: Деревня и город в Византии, IX—X вв. М., 1960. Одним из основных аргументов являлась малочисленность монет для периода «темных веков».

⁹ Сюзюмов М.Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. – С. 26—41; Он же. О функциях раннесредневекового города // АДСВ. 1977. Вып. 14. – С. 34—51 (повторная публикация: Византийские этюды. – С. 131—148).

и возможности их потери, переход званий и должностей по наследству. Вместе с этим, известность получили исследования просопографического характера о византийских патрициях VI в.¹⁰

Монография А.Джонса рассматривает практически те же проблемы, которые изучались Р. Гийаном¹¹.

Не отстает от своих коллег и П. Арсак, который так же изучал пролемы византийской аристократии, но не всех её видов, а только сенаторскую, имевшую множество особенностей¹². Однако П. Арсаком за основу взяты лишь нормативные источники.

Одной из лучших работ о ранневизантийской муниципальной знати является книга А. Ланиадо¹³.

Среди отечественных учёных данной проблемой занимались Г.Л. Курбатов¹⁴, который заметил две траектории движения византийской знати в V—VI вв. Одна часть знати, имевшая связи со столицей Византии, становилась столичной бюрократией. Другая же часть, куда входили мелкие сенаторы, приобретала значительные имущества и богатела в других городах и становилась провинциальной служилой знатью.

Помимо прочих темой ранневизантийской знати занимались А.А. Чекалова¹⁵, основными работами которой являются исследования

---

¹⁰ *Гийан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV – VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // *Византийский Временник.* №24. 1964. – С. 35-48.

¹¹ *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. London, 1964. – P. 329—333, 523—562.

¹² *Arsac P.* La dignité sénatorial au Bas-Empire // *Revue historique de droit français et étranger.* 1969. № 2. – P. 198—243.

¹³ *Laniado A.* Reserches sur les notables municipaux dans l’empire protobyzantin. Paris, 2002.

¹⁴ *Курбатов Г.Л.* История Византии. Л., 1984. – 296 с.

¹⁵ *Чекалова А.А.* Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // *Византийский временник (ВВ).* №78. –1992. – С. 20-35; *она же.* Сенаторская знать Ранней Византии: стиль жизни, стиль мышления // *Античная древность и средние века.* Вып. 33. 2002. – С.

Константинопольской аристократии, З.В. Удальцова¹⁶, А.П. Каждан¹⁷ и другие. Важную роль в изучении ранневизантийского Херсона сыграл С.Б. Сорочан – украинский историк, который в своих работах исследовал строй городской знати Херсона¹⁸.

Советская историография, базировавшаяся на классовом подходе, особенно интересовалась проблемой города в VII-IX вв., так как данная тема была непосредственно связана с переходом Византии от рабовладельчества к феодальному. Е. Э. Липшиц¹⁹ и М. Я. Сюзюмов²⁰ поддерживают идею непрерывного существования городов в Византии, в то время как А. П. Каждан считает, что имело византийские города были полностью уничтожены в VII-середине IX в. и снова возникли уже в X-XII вв.

Современные зарубежные историки так же придерживаются противоположных концепций. Например, западногерманским историком Э. Кирстенем на XI Международном конгрессе византинистов в Мюнхене провозглашается теория полного отмирания античного города в «темные века», византинист Г. Острогорский²¹, американец Р. Лопец, наоборот, утверждают, что византийский город не переставал существовать. Таким образом, складывается ситуация, что большинство современных историков

12-20; Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV - первая половина VII в.) // ВВ. 2002. – С. 6-20.

¹⁶ Культура Византии. IV – первая половина VII в. / Отв. ред. З.В. Удальцова. М., 1984. – 723 с.; Удальцова З.В. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 225—228.

¹⁷ Каждан А. П. Кризис и падение Римской империи // Вестник древней истории (ВДИ). 1966. № 1. – С. 137.

¹⁸ Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. – С. 21—46.

¹⁹ Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX в.). — М., 1961. – с. 49-55.

²⁰ Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002. – 396 с.

²¹ Острогорский Г.А. История Византийского государства. – М, 2011. – 895 с.

признают процесс дезурбанизации Византии в середине VII в., а некоторые даже говорят о совершенном исчезновении в этот период византийских провинциальных городов как производственно-торговых центров.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что данная тема достаточно разработана в трудах отечественных историков, существует множество источников, однако, комплексного систематического исследования пока нет в отечественной историографии, что делает нашу работу своевременной и актуальной.

Методологическая база исследования опирается на несколько принципов:

– принцип системности (предполагает изучение фактов, событий и процессов в совокупности и изменении, рассмотрение устройства и функций предмета изучения);

– принцип историзма (предполагает изучение исторических явлений, событий и процессов в закономерном историческом развитии в связи с историческими условиями их существования, в хронологической последовательности и во взаимной связи друг с другом);

– принцип объективности (предполагает, что рассматриваемые источники и факты имеют содержание, не зависящее от субъективных человеческих факторов, позволяющее с помощью их анализа восстановить реальную общую картину прошлого).

Для результативного анализа источников и точности и подлинности сделанных выводов необходимым условием являлось использование комплексного подхода.

В исследовании были применены некоторые общенаучные **методы**: анализ, синтез, обобщение, систематизация. Так же помимо общенаучных использовались и специальные исторические методы: историко-генетический (для рассмотрения возникновения и развития процессов в их взаимосвязи), историко-сравнительный (для сравнения исследуемых категорий и объектов), герменевтический (для интерпретации изучаемых категорий в рамках

исторических условий и контекста). Совокупность использованных методов определила достоверность и обоснованность сделанных выводов.

Научная новизна исследования:

1. Первое комплексное систематическое исследование по эволюции муниципальной знати городов ранневизантийского Востока.

2. В исследовании предпринимается попытка определить характерные черты и основные особенности таких городов, как Антиохия, Кесария Палестинская и Херсон.

3. В исследовании предпринимается попытка изучения степени влияния муниципальной власти на решение принципиальных вопросов в жизни ранневизантийского города.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, разделенных на 2 и 3 параграфа, заключения и библиографического списка.

Апробация материалов и выводов работы была проделана в форме нескольких докладов на научных конференциях в Белгороде, а также отражена в ряде научных публикациях²².

---

²² *Мишенина М.В.* Муниципальная знать городов Ранней Византии и её место среди прочих элит // Белгородский диалог-2016. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов VIII Международного молодежного научного форума. Белгород, 7—9 апреля 2016 г. / отв. ред. А.И. Папков. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 39-43.

Мишенина М.В. Финансовая основа муниципального управления в эпоху Ранней Византии // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 196-201.

Мишенина М.В. Сравнительная характеристика муниципальной структуры Кесарии Палестинской и Антиохии в ранневизантийский период // Классическая и византийская традиция. 2018: сборник материалов XII научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 253-258.

ГЛАВА I. ХАРАКТЕР МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ ГОРОДОВ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВОСТОКА.

I. 1. Проблема позднеантичной стадии развития города (спор Каждана и Сюзюмова).

Исследователь В.В. Седов²³ выделяет два региона формирования городов и урбанистической культуры, отличавшихся собственными особенностями: северный и южный. Его выводы опираются на комплексный анализ материальной культуры макрзоны, охватывающей Балканский полуостров, Западную и Восточную Европу. Еще до появления работы В.В. Седова в исторических исследованиях отмечалось типологическое различие генезиса феодализма в различных регионах в раннее средневековье, где в качестве критериев рассматривались наличие или отсутствие в развитии общества античных или варварских начал, а также интенсивность и характер их взаимодействия²⁴.

К южному региону относились Аппенинский полуостров и Балканы, в основе городов этой зоны лежал позднеантичный город, несмотря на процессы дезурбанизации, которые сопровождали эпоху Великого

Мишенина М.В. Муниципальный строй Кесарии Палестинской в ранневизантийский период. // Белгородский диалог–2018. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов X Международного молодежного научного форума, г. Белгород, 18–23 апреля 2018 г. / отв. ред. Л.С. Половнева. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. – С. 57-60.

²³ Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. – С. 6—55.

²⁴ Выводы, изложенные в ряде работ З.В. Удальцовой (Проблема типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 124—157), А.Я. Гуревича (Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970), А.Д. Люблинской (Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема Романо-германского синтеза // СВ. 1968. Т. 31. С. 9—44) и других российских историков советского времени, отражены в «История Европы» (см.: Гутнова Е.В., Удальцова З. В. Генезис феодализма... С. 16—33).

переселения народов. Преобладание позднеантичных начал соответствует и типологии византинистов. Здесь не произошло «угасание античного города». Для городов этого типа характерно эволюционное развитие без значительных промежутков в становлении ремесел, строительного дела, торговли и церковных институтов, фортификационных и сакральных сооружений. Именно данные города стали проводниками идеи континуитета развития.

Проблема континуитета ранневизантийского города выступает в качестве одной из ключевых в византиноведении в целом. В течение длительного периода по этому вопросу ведется острая полемика. В отечественном византиноведении до сих пор не выработано единое мнение по этой проблеме. Две полярные точки зрения выражены в развернувшейся в советское время дискуссии основателя Уральской школы византиноведения, профессора М.Я. Сюзюмова и известного историка-византолога А.П. Каждана.

А.П. Каждан являлся сторонником дисконтинуита (от англ. *discontinuity* - отсутствие непрерывности, прерывание). На примере Константинополя он отстаивал точку зрения, что византийский город являлся городом-потребителем, экономически не связанным с сельской округой, не имея ничего общего с античными традициями. Ремесленное производство работало только на благо императорского двора и знати, а отдельные виды деревенского ремесла самостоятельно обслуживали село. Крестьяне же появлялись в городе только для того, чтобы уплатить налоги.

Противоположные позиции занимал М.Я. Сюзюмов, который отказывался видеть в византийском городе только экономический производственно-товарный центр. По его мнению, так как такие города, как Фессалоника и Константинополь возникли еще в античности, а не при феодальном строе, как западноевропейские, то ни о какой прерывности их экономических функций с античным временем говорить не приходится. В условиях прекращения товарно-производственных отношений по всей

Европеев IV–V вв. эти города продолжали оставаться единственными центрами, обслуживавшими феодализирующееся общество.

Однако противниками этой гипотезы сразу был сформулирован ряд вопросов к уральскому византологу, например:

1) Действительно ли социальная организация городов оставалась прежней в новых условиях зарождающегося феодализма?

2) Почему в столичном ремесле происходит упадок, тогда как провинция Византии переживает подъем в XI в.?²⁵

М.Я. Сюзюмов делал упор на то, что континуитет византийского города происходил не только в экономической сфере, но представлял собой континуитет многофункционального института. При наличии преемственности государственной власти город не обязательно имел права самоуправления, соответствующие античному или средневековому городу. В основе признания населенного пункта «городом» византийскими властями лежало выполнение в этом пункте государственных или церковных управленческих функций. Хотя в ранневизантийском городе ремесло и торговля не зависело от должностных лиц, сам город зависел от стратига, не имея никакого самоуправления. В обстановке постоянной военной угрозы город превратился в центр военной организации, приобретая еще и охранительные функции. С этим связано то, что в источниках VII – середины IX в. термины «кастрон» (крепость) и «полис» переплетаются – эти понятия были неразличимы византийскими авторами²⁶.

Устройство византийского кастроны можно проследить благодаря археологическим раскопкам. Археологические исследования позволили обнаружить остатки и следы военных укреплений: стены, башни.

²⁵ Удальцова З.В., Каждан А.П. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии // Вопросы истории. – 1958. - №10. – С. 92.

²⁶ Сюзюмов М.Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в ранневизантийском городе. АДСВ. – 1965. – Вып. – С. 39-40.

Кастрон обычно был расположен на ограниченной территории, внутри которой, в основном, располагались общественные здания, в то время как жилых помещений было мало. В центре находились укрепления, вокруг которых размещались дома. Во время военной опасности кастрон служил убежищем для жителей округа. Однако многие более мелкие города были лишены серьезных укреплений, и в условиях постоянных военных набегов уже не могли продолжить свое существование как города. Но не все города обладали укреплениями: множество из них были совершенно лишены защиты и в условиях постоянной военной угрозы не смогли продолжить свое существование как города.

Военный центр выполняя защитную функцию, в то же время был благоприятным фактором для развития ремесленного производства: военное командование постоянно имело нужду в боевых материалах, оружии и снаряжении. Поэтому в кастромах всегда присутствовали кузнецы, медники, плотники, каменщики и другие ремесленники. Это стимулировало товарное обращение и рост городского ремесленного производства.

Также византийский город выступал в качестве административно-фискального центра. Благодаря этому происходило превращение в товары некоторой части натуральной продукции. В «Бревиарии» патриарха Никифора и «Летописи» Феофана приводится информация, что император Константин V добился обилия сельскохозяйственной продукции на константинопольских рынках за счет жесткой фискальной политики, разорявшей крестьян. Дабы уплатить налоги, крестьяне вынуждены были дешево продавать продукты и скот, лишая себя всего необходимого. Это способствовало активизации товарно-денежного обращения.

Континуитет городской культуры в византийских городах тесно связан с постоянством производственного процесса там. Именно культурный континуитет позднеимперского города был главным отличием Византии от городов Западной Европы, где господствовали элементы варварской германской культуры. Примером континуитетных процессов является

продолжение стеклодувного ремесла в Византии. Еще одним важным аспектом преемственности является континуитет византийских ремесленно-торговых корпораций, ярко выраженных в Константинополе. Это можно проследить в «Книге Эпарха» (начало X в.), которая является кодификацией постановлений прежних императоров касательно константинопольского мастерства и во многих местах восходит к Дигестам и Новеллам Юстиниана²⁷. Впрочем, не все из существующих корпораций VI в. сохранились или остались существовать в прежнем виде. Также континуитет наблюдался и в денежной системе, способствуя развитию денежных отношений. Золотая номисма на протяжении всего раннего средневековья сохраняла свое устойчивое положение. Несмотря на это, в условиях феодализации происходило искусственное занижение ценности монеты старой чеканки, которое доставляло большие неудобства населению (эта практика была ликвидирована Львом VI в конце IX в.).

По мнению А.П. Каждана настоящими полноценными городами VII—VIII вв. являлись лишь малое количество городов: Константинополь, Фессалоника, Никея, Эфес, Трапезунт и Агталия. В то время как основная масса утратила свои основные функции, в первую очередь, военную и торгово-производственные, превратившись в VII—VIII вв. в деревни. Это произошло с такими центрами древности как Афины, Селевкия, Родосто, Авидос.

Но Сюзюмов же кроме торгово-производственной и военной функций призывает выделять и другие: судебную, церковную и епископскую, административно-фискальную и культурной (в зависимости от преобладания в данном городе того или иного типа хозяйствования). Поэтому он в корне не согласен с Кажданом.

В V-VI вв. византийские города находились в подчинении провинциальной рабовладельческой знати, которая, постоянно проживая в

---

²⁷Сюзюмов М. Я. Византийская «Книга Эпарха». М., 1962. – С. 24.

городах, сосредотачивала в своих руках огромные земельные владения. После уничтожения такой системы землевладения характер города изменился. Так как доминирующей стала свободная крестьянская община, прежнее административное деление города в VII в. постепенно преобразовывалось. В результате возникновения крупных военных округов – фем (Опсикий, Анатолик, Армениак, Киверриотов, Фракия, Сицилия) роль главных городов провинций еще более уменьшилась, хотя до конца VII в. продолжалось сохраняться прежнее деление в гражданских и церковных делах.

М.Я. Сюзюмов отстаивает точку зрения, согласно которой континуитет византийского города всё-таки существовал, и город вступил в средневековую эпоху в «готовом виде»²⁸. Даже в период трансформации рабовладельческого строя в феодальный город постоянно оставался центром товарного хозяйства и ремесленного производства. В то же время это не доказывает, что в данное время отсутствовали коренные изменения в составе населения и в управлении городом. Согласно кодексу Юстиниана, городское население состояло из духовенства, ктиторов, собственников домов и земельных участков в городе или пригородах и жильцов – οἰκητορεστων πολεων.

Полемику Каждана и Сюзюмова поддерживают и другие ученые, в том числе и зарубежные. Например, Э. Кирстен придерживается точки зрения А.П. Каждана и отвергает континуитет в среде знати. Он полагает, что образование византийской городской знати произошло, как и в Западной Европе, только в процессе развития городского строя средневековья.

Сюзюмов считает, что, хотя античная городская знать значительно видоизменилась во времена Фоки, террора Юстиниана II, гражданской войны начала VIII в., а во многих провинциальных городах, которые подверглись нападениям славян и арабов, вообще исчезла, ее преемственность продолжала сохраняться. В источниках, в частности в житиях VIII—IX

---

²⁸Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002. – 396 с.

вв., часто указывается, что родителями святых являлись именно знатные люди. Так как Э. Кирстен специально не уделяет внимания столице, у него не может сложиться целостного представления о состоянии знати ранневизантийских городов. В Константинополе городская знать продолжала быть достаточно сильным социальным элементом, что влияло на формирование аналогичных слоев провинциальной знати. При этом в городах появилась также и многочисленная пришлая знать из славян, армян, выходцев из Сирии и Палестины²⁹.

В этническом плане состав жителей городов как и в IV-VI вв. был весьма пестрым, чему способствовали миграции варварских народов и концентрация в империи христианского населения. На Балканах в состав населения активно интегрировались славяне, на Востоке в несколько раз увеличилось количество армян, в южной части такого региона как Малая Азия расселялись в основном сирийцы, эмигрировавшие из халифата³⁰. Хотя обратное отвоевание Византией утраченных территорий и восстановление контроля византийской администрации происходило постепенно, сразу после военного завоевания начиналось установление административного, фискального и идеологического господства - распространение на этих территориях православного христианства, являвшегося основной религией Византии. Территории, которые были заселены племенами славян, переходили в частную собственность к представителям племенной знати под влиянием связей с городским товарным хозяйством³¹. Славянская знать постепенно византизировалась, смешивалась с византийской верхушкой. В «Хронографии» Феофана и в «Бревиарии» Никифора очень часто встречаются отсылки к городской знати. Их богатство, на примере

---

²⁹Там же.

³⁰*Charanis P. Ethnie Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // DOP. 1959. Vol. 13. –P. 29.*

³¹*Липшиц Е. Э. Из истории славянских общин в Македонии // Сборник в честь академика Б. Д. Грекова. М., 1952. – С. 53.*

имущества одного из представителей крупнейшей константинопольской знати VIII в. Тарасия, состояло из домов и земельных участков в пригородном районе³². Как в столице, так и в провинции, основой частной собственности являлась земля, а также домовладение в городе и в пригороде. Сведения об архонтах и протевонах в Херсонесе говорят о существовании в составе населения Херсонеса знати, которая вела свое происхождение от позднеримских времен.

Однако в имущественных отношениях городской знати VIII-середины IX в. произошли изменения. Провинциальная система землевладения, основанная на эксплуатации рабов, была разрушена, а в деревне установилось господство свободной крестьянской общины, вследствие чего слой знати, состоящий из поселившихся в городах крупных провинциальных землевладельцев, резко утратил свое влияние. В то же время знать, могущество которой основывалось на владениях в городе и пригороде, сохранила и упрочила свое значение. Представители такой знати занимали государственные должности, которые были связаны с получением доходов с населения, налогообложением. Земельная знать в столице была одновременно сановной знатю, а в основных городах фем большинство представителей растущей военно-землевладельческой знати было связано с фемной администрацией³³.

Интересы провинциальной знати противоречили интересам константинопольской знати, что отразилось в напряженной борьбе во время иконоборческого периода. Но в конце VIII и в IX в., когда провинциальная знать еще была достаточно слаба, для руководства фемами, турмами, клисурами отправлялись представители константинопольской городской знати.

Так же существенно изменилось положение городских ремесленников: если, судя по Новеллам Юстиниана, ранее городские торгово-ремесленные

---

³²Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. - Екатеринбург, 2002. – 396 с.

³³Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. - Екатеринбург, 2002. – 396 с.

мастерские принадлежали знатным горожанам, то уже к началу X в., судя по «Книге Эпарха», ремесленно-торговые корпорации уже были абсолютно не связаны с городской знатью. Константинопольская городская знать достаточно пострадала в период террористической диктатуры Фоки и Юстиниана II, а также от гражданской войны в начале VIII в., когда вторгшиеся фемные войска серьезно опустошили Константинополь. В итоге после масштабных конфискаций многие помещения для эргастериев перешли в собственность казны, так что ремесленникам, занимавшим затем мастерские в правительственных помещениях – рядах и портиках, – пришлось платить так называемый энэйкион – квартирную плату.

Существенно изменилось и управление ранневизантийских городов V-VI вв. Городские землевладельцы, которые занимали наследственные должности в курии и управляли городскими земельными финансовыми богатствами, потеряли значительную часть своего влияния; начиная с IV в. в городском управлении все большую власть приобретает императорский чиновник – просид. Впрочем, сохранялись некоторые элементы самоуправления. Согласно эдикту Юстиниана II занятие высших должностных лиц провинции осуществлялось из лиц местной городской и поместной знати. К концу VI в. значение городской знати, находившейся под управлением епископа, увеличивается. Городское самоуправление имело особые формы, если город оказывался под угрозой вражеского нападения. В результате ослабления центральной власти города вновь приобрели некоторую возможность распоряжаться своими средствами, например, строить стены за собственный счет.

Позднеримский тип самоуправления города долго существовал в городах, отдаленных от Константинополя. Местная знать управляла итальянскими и далматинскими городами, аналогичная ситуация была в крымском городе Херсонесе. К далматинским городам, которые сохранили в VII в. старинные формы самоуправления, относились Ядер (Зара), Эпидавр (Рагуза), Декатера (Каттаро), Трагурий (Трогир), Арба (Раб), Векла (Крк).

Во второй половине VII в. муниципальное управление византийских городов ещё активно проявляло себя. Как и в VI в., имелись дуумвиры, куратор, патрон, патер города, избравшиеся городским населением, но утверждавшиеся центральным правительством. Таким образом, лица, избранные местной знатью, одновременно выступали в качестве представителей центральной власти ³⁴. Об инициативности и организованности горожан говорит сообщение Константина Багрянородного об осаде Патр. В 807 г. Патры, называвшиеся кастрон, из-за опасности нападения славян организовали общее собрание горожан и устроили оборону города.

Со времени правления Юстиниана II, который стремился укрепить фемные войска и создать военные колонии, византийская власть проводила активную политику уничтожения городского самоуправления путем смены муниципальных органов города на назначаемого стратига, в подчинении которого находились военные и гражданские должностные лица. В главном городе фемы стратиг находился с ответственным перед ним претором, который ведал гражданским судопроизводством, финансовыми делами фемы, сбором налогов и подчинялся как стратигу, так и непосредственно центру хартулярий фемы. Что же касается статуса военных центров – «кастра», то они не играли роль полноценного города, не пользовались самоуправлением. Их управление осуществлялось военными властями. Население этих «кастр» имело особые привилегии, которые зависели от вида деятельности и обязательств живших вокруг «кастра» ремесленников и земледельцев – «кастринов». Среди них важное место занимали моряки, добытчики пурпура, специалисты по изготовлению хартий и др. В освобождении от всех повинностей для сосредоточения на выполнении повинности, связанной со специфичной профессией, заключались особые привилегии населения «кастр». Такой вид привилегий делал «кастринов» к

---

³⁴ *Седов В.В.* Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. - М., 1989. – С. 6-55.

привязанными к их ремеслу. Процесс устранения городского самоуправления затянулся на долгое время. Херсонесское самоуправление во главе с протополитом существовало до 834 г., после чего во главе города стал стратиг, поставленный Феофилом. Уже к середине IX в. происходит исчезновение автономии города, и город становится частью системы фемной организации. Завершается этот процесс во время издания известной 47-й Новеллы императора Льва VI (конец IX в.).

Автономия городов не имела ничего общего с интересами широких слоев городского населения³⁵. Постепенное уничтожение городской автономии в VIII в. проводилось параллельно с противоборством с городской знатью под девизом иконоборчества и сопровождалось демагогическими обращениями императорской власти к широкому кругу горожан. Константин V созывал «силенции» – выступления императора перед различными слоями городского населения, в том числе и перед ремесленными корпорациями. В этот период императоры часто адресовали свои манифесты напрямую к городскому или провинциальному населению. Несмотря на проводимую политику уничтожения городской автономии, местная городская знать все равно использовалась правительством в вопросах городского управления. Это было связано с тем, что в сложных условиях того периода бюрократизация управления городом не могла быть проведена полностью.

В VII—VIII вв. были созданы некоторые экономические предпосылки феодальной раздробленности. Городская знать (особенно Константинополя) стремилась удержать за собой привилегии городского управления. Столичные торговцы имели особый статус и привилегии, причем торговля организовывалась так, что столичный купец считался иногородним, иностранцем, т. е. внутренняя торговля была устроена по образцу внешней. В конечном итоге города стремились к автономизации, а не к расширению

---

³⁵ Макаров Д.А. Роль и значение города в системе территориальной организации публичной власти в византийской империи // Ленинградский юридический журнал. Выпуск № 1 (35). 2014. – С.54-58.

отношений друг с другом на основе общего рынка. В то же время, это сопровождалось началом процесса возникновения своеобразного византийского феодального города. Город становился местом расположения феодальной администрации, которая в последующем настолько подчинила себе города политически, что они в дальнейшем могли стать центрами сеньориального типа эксплуатации населения.

М.Я. Сюзюмов считает, что основными причинами упадка городов были частые эпидемии, вражеские нашествия, значительное сокращение внутренней торговли вследствие опасностей сухопутных путей в VII–VIII вв., когда фактически граница была закрыта из-за набегов, переселении в Константинополь ремесленников из провинциальных городов в результате эпидемий или для проведения общественных построек, то есть, имели чисто внешний характер. А.П. Каждан же полагает, что внешнеполитические факторы не имели значительного влияния на кризис городов в VII–VIII вв., который имел внутренние экономические причины: «ведь разрушение городов в древности или в средние века действительно было весьма частым, но города всякий раз возникали вновь, если только существовала в них экономическая потребность»³⁶.

По мнению Каждана, основная проблема заключается не в том, какие факторы повлияли на упадок позднеимперских городов, а в том, почему они не смогли оправиться в течение почти двух столетий. Решением этого вопроса историк видит кризис рабовладельческого способа производства и расселение соседних племен на территории империи. Последствием этого явилось то, что центром экономической жизни страны стал не город, а деревня.

На основе археологических данных А.П. Каждан пришел к выводу, что после падения рабовладельческого способа производства в Восточной Римской империи постепенно теряются практически все античные

---

³⁶Каждан А.П. Кризис и падение Римской империи // ВДИ. 1966. № 1. – С. 131-137.

рабовладельческие полисы на Балканах и в Малой Азии. Хотя М.Я. Сюзюмов не опровергают этот тезис своего оппонента, однако и не соглашается со степенью кризиса городов.

А.П. Каждан, в свою очередь, утверждает, что на Балканском полуострове только одна Солунь в полной мере сохраняла традиции греко-римского города, а остальные античные города (такие как Стоби, Филипп, Новый Анхиал) прекратили свое существование или аграризовались в VI–VII вв. Некоторые из них уже никогда не оправились от упадка, на месте других с конца IX в. стали появляться новые средневековые города (Афины, Коринф)³⁷. Что касается древних малоазиатских городов, то в период перехода к средневековью они переживали глубокий кризис: одни из них (подобно Корику и Пергаму) перестали существовать или аграризовались, территория других (таких, как Эфес) значительно уменьшилась.

М.Я. Сюзюмов не считает, что аграризация городов Византии в «темные века» являлась дезурбанизацией. В VII в. размеры территории городов сокращаются, города сосредотачиваются вокруг внутренних укреплений. Вокруг этих укреплений находились земли, используемые в качестве пастбищ, виноградники или пригородные сады. Платежеспособность населения уменьшилась в результате разложения рабовладельческого строя, сокращения размеров прибавочного продукта. Это привело к сокращению спроса на предметы роскоши, соответственно, значительно уменьшилось и ремесленно-товарное производство, связанное с ними; оно ограничивалось теперь производством сельскохозяйственных товаров. Однако подобная аграризация не является дезурбанизацией.

Оба исследователя особенно подчеркивают значение столицы – Константинополя. Этот *μεγαλόπολις* значительно влиял на периферию и распространение товарного производства и обращение. По мнению А.П. Каждана, Константинополь сохранился как крупный ремесленный центр в

---

³⁷Charanis P. Ethnie Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // DOP. 1959. Vol. 13. – P. 27-32.

раннее средневековье благодаря своему исключительному политическому положению. Императорские, военные, чиновнические потребности способствовали высокому спросу на продукцию ремесленников, в первую очередь на предметы роскоши и оружие, и не давали ремесленному производству столицы потерять свой высокий уровень даже во время общей аграризации страны.

Эти крупные ученые так и не пришли к единогласию. Необходимо отметить, тем не менее, что обоими учеными был внесен крупный вклад в мировую византинистику, где и поныне сохраняются эти две точки зрения.

I. 2. Финансовая основа муниципального управления в эпоху Ранней Византии.

Следует изучить и финансовый аспект политики империи в отношении курий, который до сих пор не являлся предметом отдельного исследования. Исключением считают труд В. Либешуца³⁸, где совершается попытка соотнести неизученные ещё городские финансы ранней Византии к хорошо проработанной в научном плане проблеме финансовой администрации Египта того же промежутка времени. Основой статьи В. Либешуца является анализ модели административного устройства позднеимперских городов Египта, созданной в работах Ж. Гаску. В работе упоминаются случаи постепенной консолидации жителей городов в Римской империи начиная с «классического периода» и установления прямого контроля императорской власти над доходами городов как средства достижения «стабильности и предсказуемости»³⁹. Важно выделить, что по законодательству империи существует четкое разделение между государственными и городскими финансами, а также строго определяет расходные статьи финансов городов.

---

³⁸ *Liebeschütz J.H.W.G. Civic Finance in the Byzantine Period: The Laws and Egypt // BZ. 1966. – P. 389-407.*

³⁹ *Там же.*

Итак, современная историография политики в отношении финансов ранневизантийского государства в отношении городов пропагандирует идею постепенного роста финансовой зависимости городов от центральной власти. На смену позиции курии относительно финансовой системы Византийской империи в IV-V вв. влияли многие обстоятельства. Например, то, что императорское правительство осознало, что города теперь имеют публично-правовое положение определённой ячейки общества и государства с определёнными обязанностями для «publicautilitas» («государственной» пользы)⁴⁰.

В финансовой политике императоров IV-V вв. прослеживается отношение императоров в отношении курий. Император Юлиан вошёл в историю как покровитель курий, испытывавших на себе налогово-бюджетную политику Константина I и Констанция II. Но внимательное изучение внутривластного курса Юлиана даёт возможность отметить, «что при всём его стремлении ослабить существование ряда курий, он видел в них прежде всего государственную структуру с конкретными обязанностями. Фактически Юлиан боролся с курией как античным институтом, и потому соответствующие его законы попали в Кодексы»⁴¹. «Уверенные шаги» в становлении курий зависимыми от финансовых интересов центральной власти были предприняты Феодосием I. Несмотря на некоторые преференции в отношении части городских чиновников, в конце концов, он сначала свел к минимуму право оставлять куриальные обязанности, результатом чего являлось обеспечение условий стабильности курий в количественном плане с множеством их административных функций. В целом отношение центральной власти и курий в конце IV в.

---

⁴⁰ Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект. //Византийский временник (ВВ). №60. 2001. – С. 39.

⁴¹ Курбатов ГЛ. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365-366 гг.) // ВДИ. 1965. № 1. С. 152; Он же. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962. – С. 78

изменились, стали более жесткими, что послужило переходом к новому витку взаимоотношений их и государственной власти. Феодосий I, при котором государственное строительство сделало заметные шаги, полнее, чем его предшественники воплощал необходимость становления курий одним из элементов административно-финансовой системы.

Данное направление в финансовой политике поддерживалось императорами V в. «В течение первой половины V в. был запрещён уход из курий на провинциальные и некоторые придворные должности, на церковные посты среднего уровня, при получении сенаторского достоинства. В то же время привилегированная верхушка курий – *principales* – начинает опускаться в глазах власти до уровня остальных декурионов, несших ответственность за выполнение обязанностей перед государством»⁴². Основанием социального поведения куриала становится особое распоряжение императора. После частичных послаблений, имевших место в правление Льва I известная тенденция в отношении императорской власти к городским общинам возобновилась.

В течение V в. целенаправленная политика императоров привела к значительному преодолению общественного взгляда на курию как на независимую структуру позднеантичных государств. Курия и в теории, и на практике превратилась в звено единой императорской системы финансов. Однако это усугубило проблему другого характера – появилась необходимость сохранения курии физически, так как налогово-бюджетная политика империи зачастую приводила города к экономическому кризису и упадку. Первый, кто не только осознавал опасность данной ситуации, но и пытался из неё выйти, был император Анастасий I. Небезызвестно, что Анастасий I «уделял значительное внимание благоустройству и укреплению городов»⁴³. Вместе с этим он пробовал заменять курии другими

⁴² Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект. //Византийский временник (ВВ). №60. 2001. – С. 39.

⁴³ Серов В.В. Указ. соч. – С. 18.

административными элементами, стремясь тем самым найти им замену в фискальной системе. Анастасием была повышена значимость высших муниципальных органов власти. Некоторые города снабжались хлебом, обеспечение которым было возможно благодаря непосредственной деятельности государственных чиновников и церкви.

В целом же, политические реформы и мероприятия Анастасия I по отношению к куриям проходили в русле обозначенного курса на полную ликвидацию независимости (как политической, так и экономической), и важным этапом в осуществлении этой политики стало официальное лишение городских советов ряда существенных полномочий в экономике и жизни города в конце V-начале VI в. В конечном итоге, Анастасием ещё более ужесточились правила покидания курий. Это показывает, что политические решения и действия, предпринятые Анастасием I по отношению к куриям в начале его пребывания у власти являлись завершением, заключительным этапом развития тенденций, развивавшихся в императорской ранневизантийской политике в данной сфере. Но в конце V-начале VI вв. правительством Анастасия была замечена и учтена все более усиливающаяся актуальная необходимость курий в более тщательном и скрупулёзном отношении государства к их экономике, другим полномочиям и функциям. Перед правительством стояли принципиально отличающиеся задачи – укрепить курию и оставить её в роли выгодного инструмента денежной политики вдали от центра. Эта проблема решилась своеобразным образом – с помощью создания широкомасштабного, главным образом денежного, императорского контроля над городом. Для этого необходимо было создать и внедрить новые формы административной власти. «Анастасий стремился к рационализации административно-финансовой системы в целом и каждого отдельного её звена. В этом смысле и необходимо рассматривать введение

института виндиков, которое можно считать и продолжением куриальной политики, и мероприятием в сфере налогообложения»⁴⁴.

Довольно мало исследований посвящены созданию института виндиков, этим затрудняется изучение денежной политики правительства Византии VI в. Опираясь на данные источников, можно сказать, что «императором Анастасием городские советы были отстранены от участия в налогообложении и сборе налогов» (Ioann Lyd. De mag. III. 49). Есть информация, что виндики «обращались с городами как с врагами» (Ioann Lyd. De mag. III. 49), и что «доходы курий расстроились». За своё назначение виндики расплачивались своеобразным суффрагием (Ioann Lyd. De mag. III. 49), и, наконец, их работа значительно упростила жизнь «земледельцам» городов. Поняв, что значительная часть городских советов представляют собой слабые организации в смысле поддержки собственной экономической стабильности, и, не желая отвергать их экономические услуги в сфере финансов, Анастасий I посчитал нужным простимулировать и ускорить до сих пор не окончившуюся процедуру перехода финансов городов в полное ведение государства. Развитие этого направления, кроме всего прочего при помощи стараниям самого императора, построило многоэтапную структуру подчинения и наблюдения за экономической деятельностью городов: императорские сановники во главе с епископом организовывали продовольственное снабжение плебса и воинских частей; дефенсор общины, избиравшийся едва ли не всеми гражданами-собственниками, был в ответе перед местной властью за верное назначение налоговых отчислений; куриалы собирали некоторые налоги вместе со сборщиками, присылавшимися государственными финансовыми ведомствами. Свободными и независимыми от государства оставались лишь исключительно городские доходы, а также сбор некоторых налогов, которые

---

⁴⁴ Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект. //Византийский временник (ВВ). №60. 2001. – С. 40.

взимались на благо непосредственно города. В связи с этим, естественным для Анастасия ходом стало предоставление обоих этих функций виндикам.

На плечи виндиком ложилось полномочие распределить обязанности и провести проверку компетенции некоторых декурионов за фискальные обязанности. Но эта реформа повлекла за собой и негативные последствия. Скорость и торопливость, которые сопутствовали реформе, спустя какое-то время привели работу виндиком к итогам, которые абсолютно не соответствовали изначальным планам. Виндики стремились разбогатеть благодаря суффрагию, видели свою должность исключительно как «кормушку», в некоторых городах со временем шаг за шагом ослабили и исчерпали и средства городского бюджета, и материальное благополучие и достаток основной части куриалов. Анастасий, который увеличил свое благосостояние после создания института виндиком, уже не стремился к изначальной идее сочетания куриальных и государственных интересов. Таким образом, куриальная проблема в начале VI в. не только оставалась нерешенной, но и усилилась ко времени прихода к власти нового императора Юстиниана I.

Император Юстиниан уже в начале своего царствования стал пытаться решить куриальный вопрос. В Конституциях 528-529 гг. можно заметить присутствие муниципальной тематики, в них четко прописаны известные в эпоху правления императора Анастасия городские институты: непосредственно куриалы, участвующие как в общественной жизни общины, так и в частно-правовом обороте; дефенсоры общин, основная обязанность которых – урегулирование юридических споров между горожанами, а так же среди горожан и негорожан; «отцы» (*patres*), которые, скорее всего, относятся к группе *principales*⁴⁵. Вся иерархию муниципального административного устройства можно проследить в конституции 529 г., где есть упоминание, видимо, по нисходящей линии: епископов, отцов,

---

⁴⁵ Серов В.В. Указ. соч. – С. 26.

дефенсоров общин и «граждан» (civiles). В дальнейшем все перечисленные гражданские институты продолжают встречаться, что говорит, как минимум, «о том, что они не исчезли, как не исчезла и сама курия»⁴⁶.

Первыми существенно важными для куриальных устройств конституции Юстиниана I стали доступны общественности 1 июня 528 г. В первых двух конституциях ещё не прослеживается решительность Юстиниана решить проблему курий. Упомянутые документы должны были решить лишь задачу, связанную с куриальным имуществом так, будто он являлся центральным и главным. И эта проблема была решена Юстинианом его законодательными реформами, а именно «распространив на завещание куриала право фальцидиевой доли для сыновей, пожелавших выполнять куриальные повинности»⁴⁷. Возможность освободиться от материально зависимости декуриона перед государством была предоставлена только тем куриалам, которые достаточно продвинулись по карьерной лестницы ординарной службы, вместе с детьми и имуществом. Юстинианом в своей куриальной политике вернулся к ситуации, сложившейся ещё до Анастасия I. Довольно трудно охарактеризовать мотивы данных политических мероприятий, но их оригинальность налицо. Вероятно, Юстинианом было твёрдо принято решение о демонстрации куриальному сословию различий между своим куриальным политическим курсом и жёсткой линией поведения Анастасия. Тем не менее, акт 529 г. Это явное проявление серьёзного отношения императора к вопросу взаимодействия центральной власти и куриалов. В 530 г. была опубликована новая особая конституция. За всё

---

⁴⁶ *Фихман И.Ф.* Египетский город ранневизантийского времени (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксирина) // Византийские очерки. 1971. – С. 131-135

⁴⁷ *Гийан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV – VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // Византийский Временник. №24. 1964. – С. 35-48.

время, что император изучал историю и специфику куриальной политики правителей Византийской империи, Юстинианом было рассмотрено финансовое положение курий, в связи с этим конституция затрагивает насущные и для курий, и для центральной власти вопросы о доходах и городских затратах. Были сформулированы финансовые компетенция курий, установлено наблюдение за использованием ресурсов курий.

Важно отметить, что император не стал ограничивать ни городские расходы, ни количества расходных статей; новые меры, предлагавшиеся в конституции, должны были способствовать куриалам прийти к бюджетному балансу. Появлялся новый непосредственный орган учёта и контроля – комиссия, в которую входили епископ и «три мужа доброй репутации, первых во всяком деле этой общины». Ранее схожими контрольно-счётными функциями обладали виндик. Но упомянутая городская комиссия не смогла полностью заменить собой виндика: для контроля над работой этой комиссии Юстинианом был назначен особый *discussor*, который подчинялся непосредственно и исключительно Юстиниану. Аналогию с виндиком можно увидеть уже в порядке назначения дискуссора. Но между дискуссором и виндиком присутствует довольно существенное отличие – «дискуссор был более зависим от императора, поскольку не платил за своё назначение»⁴⁸.

Так, досконально изучив историю и суть отношений центральной власти и куриалов, Юстиниан не стал придерживаться наиболее радикальных средств для упорядочения данных взаимоотношений. Юстиниан отошёл от средств урегулирования куриального вопроса, применявшихся Анастасием, но не изменил, однако, общего внутривластного курса по отношению к куриям. Спустя некоторое время после описанной выше была опубликована новая конституция, близкая первой по содержанию. В этой конституции Юстиниан будто извиняется за создание специального дискуссора и ещё раз

---

⁴⁸ Серов В.В. Указ. соч. – С. 13

аргументирует свое мнение тем фактором, что финансирование городских расходов производится именно императором⁴⁹.

Резюмируя политический курс Юстиниана по отношению к куриям в 528-530 гг., можно сделать следующие выводы. Придерживаясь, в целом, политического курса Анастасия конца V-начала VI вв., Юстиниан искал в этой политике слабые стороны и причины её неэффективности и нерезультативности. По всей видимости, главная причина этого, по мнению Юстиниана, – это существование института виндиков, а также характерная Анастасию жёсткость политического курса. Найдя более выгодную для общин альтернативу, а так же гарантировав материальную поддержку курий и положительную реакцию на их экономическую инициативу, Юстиниан надеялся на положительные результаты.

В качестве ответа на ожидания императора, можно рассматривать конституции 531 г., где в большинстве городская тематика связана с епископом. Именно епископ стал тем звеном административной системы, который органично связал центральные и местные власти, так как епископы происходили зачастую из местной знати. В 531 г. епископов как более выгодную и лояльную альтернативу античной муниципальной традиции стали противопоставлять куриалам и предпочитать в финансовых вопросах города. С 531 г. Юстинианом изменяется политическая линия в вопросах курий. Вопрос финансовой самостоятельности уже не ставится, речь идет о распределении экономического потенциала декурионов исходя целиком из конкретно-временных потребностей государства и целей финансовой политики. Конечно, настолько разительная перемена курса не может объясняться исключительно результатами начального этапа куриальной политики Юстиниана I; оказала влияние ещё и финансовая ситуация в целом в Византии в начале 30-х гг. VI в.

---

⁴⁹Чекалова А.А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // Византийский временник. №78. 1992. – С. 20-35

Но, независимо от причин, император прервал зачатки либерализма в куриальной политике и возобновил привычный для IV и V вв. внутривластный курс в данной области. Курии снова были взяты под усиливавшийся финансовый контроль, практически потеряли право независимо разрешать множество внутригородских экономических вопросов; вновь огромную роль в городах стали играть посторонние им лица. Совершенно оправдано поэтому выглядит появившийся в законодательстве виндик. Он как бы символизирует собой отношение императора к куриям как к сборщикам доходов. Юстиниан вынужден был вернуться к виндикам в 536 г. (Nov. 38). Однако воссоздание данного термина обусловлено тем, чтобы документально зафиксировать бессмысленность этого института.

По всей видимости, в период 531-535 гг. Юстинианом не могли быть оставлены попытки поиска иных способов разрешения куриальной проблемы кроме «традиционного нажима на курии со стороны государства. Доказательством тому служат, например, конституции, изданные в 535 г.⁵⁰. В первой половине 30-х гг. Юстинианом попеременно усиливались в городах то государственные чиновники, то структуры муниципалитета⁵¹. Но помощь муниципальным структурам по вопросам, не относящимся к фискальной сфере, уже продемонстрировала императору свою неэффективность и малоперспективность. Виндики как административный институт также не соответствовал в его изначальной форме. Юстиниан был вынужден сочетать элементы муниципальных учреждений и должностей для поиска наиболее подходящего варианта, который бы подразумевал и сохранение курии в качестве гаранта сбора необходимого количества налогов, и устранение неоправданных ничем расходов города и провинциальной финансовой администрации. Итоги мероприятий уже нового политического направления

---

⁵⁰ Каждан А.П. Кризис и падение Римской империи // ВДИ. 1966. № 1. – С. 131-137.

⁵¹ Laniado A. Reserches sur les notables municipaux dans l'empire proto byzantin. Paris, 2002. – P. 84.

в отношении курий были рассмотрены Юстинианом в серии новелл 539 г. К 540 г. Проблема курий стала волновать Юстиниана всё меньше.

Практически все усилия Юстиниана по повышению эффективности курий как звеньев финансовой системы потерпели неудачу. Курия не давала отзыв и положительную реакцию на нововведения императора, но и не прекращала своё существование. Она оставалась в том же положении, что и в конце V в. Всё так же декурионами неслась ответственность за сбор некоторых видов налогов (Nov. 96, 8, 19); основные куриальные затраты находились под контролем государственных чиновников. С конца 30-х гг. Юстиниан I интересовало исключительно финансовое состояние империи. Другими словами, некоторые редкие законодательные отголоски Юстиниана по куриальной тематике провоцировались проявлениями постоянного финансового кризиса⁵².

В 545 г. Юстиниан опубликовал целую серию конституций, которые помогали администрации императора пытаться увеличить постоянные доходы; 128 новелла – в их числе. Она является свидетельством того, что курии сохраняли свое состояние в империи и закреплённую за ними финансовую роль. Юстинианом был усилен личный контроль за сбором куриалами различных пошлин и взносов. Одни из последних данных о куриалах находятся в новеллах середины 50-х гг. и, затем, завершением правления Юстиниана.

Финансовое состояние империи в середине 50-х гг. VI в. считают кризисным по аналогии с периодом начала 40-х гг., поэтому не случайно внимание, которое Юстиниан оказал куриям в этот период.

Последнее десятилетие жизни Юстиниана Великого прошло под знаком отхода от государственных дел; внутреннюю и внешнюю политику контролировала придворная бюрократия, хотя и ориентированная на

---

⁵²Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX вв.) // ВВ. XXVII. 1967. – С. 67-70

политические направления предшествующего, более активного со стороны Юстиниана периода.

ГЛАВА II. ЭВОЛЮЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ НЕКОТОРЫХ РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОДОВ.

II. 1. Развитие муниципальной структуры Антиохии.

В Антиохии в IV в. значительно снижается значение курий в экономической сфере и общественно-политической городской жизни. Курия во второй половине IV в. становится все более неспособна эффективно держать под контролем состояние городского рынка, и это оказывается всё более заметно. Эта ситуация влечёт за собой возрастающее вмешательство чиновников в деятельность курий. Результатом этого становится постепенный спад куриалов «по карьерной лестнице» – к примеру, ранее куриалы-агорономы отвечали за состояние городского рынка, а с IV в. они превратились в контролеров, которые уже не обладали реальной властью.

В IV в. для антиохийских куриалов ещё и век потерь множества функций и полномочий. Например, куриалы потеряли право сбора налогов, управления местными городскими вопросами, обеспечения правопорядка, что повлекло за собой постепенное ослабевание куриальной организации. В Антиохии существовало своеобразное административное деление города – на 18 фил. Но источники практически не дают сведений о них, кроме данных антиохийского ритора Либания, который писал о наличии некоторой самостоятельности фил (XXII, 40). Но власть фил была больше номинальной, чем реальной, так как их деятельность не затрагивала экономические или политические отношения города⁵³. И уже к IV в. к положению фил приблизились и курии, обладавшие ранее значительным набором прав и функций. К примеру, одним из представителей курии являлся иренофилак (иринарх) – должностное лицо, выплачивающее жалование городской охране и контролировавший их работу (Liban., XLIII, 9). А

---

⁵³ Либаний. Речи. В 2 т. – СПб., 2015. – 922 с.

контроль за полицейскими подразделениями и обеспечением правопорядка лежал на государственном чиновнике. Помимо прочего, курия теряет часть контроля над городской округой. Самой важной привилегией куриалов было право собирать налоги и подати с местного населения. Они потеряли это право уже к концу IV в. Причиной этому может являться тот факт, что куриалы зачастую сопровождали сбор налогов и податью своеобразным беспределом – злоупотребляли полномочиями, меняли установленную норму налогов. Реакцией населения были протесты, один из которых привел к лишению куриалов сборов хирсаргира (налог с торговцев и ремесленников) в 399 г. Правительство не заставило себя долго ждать, и, стремившись ещё более ослабить курию, попыталось лишить её права собирать поземельный налог с горожан.

Как известно, куриалы осуществляли не только фискальную политику, они так же участвовали в осуществлении судопроизводства в качестве адвокатов – городских защитников, синдиков, экдиков.

Как раз таки эти должности достаточно часто упоминаются в источниках, в основном у Либания в его речах (X, 4; XXVIII, 3; XXIII, 25; LVI, 20; XXXVI,7). Должности городских адвокатов достаточно противоречивы, так как существует несколько факторов, которые относят их как должностям, защищавшим права простого населения, так и наоборот, стремившегося воспользоваться простым народом в своих целях. Совершенно ясно, что городские адвокаты охраняли права местного населения, участвовали в судопроизводстве и помогали разрешить конфликтные ситуации. Но, с другой стороны, синдикки, например, являясь частью антиохийской куриальной верхушки, часто превышали свои полномочия, вымогали взятки, «грабили» местное население. Этим объясняется, почему центральная власть стремилась взять под контроль деятельность синдиков, а вместе с ними и всей курии в целом. В конце концов, во второй половине IV в. правительство пошло на создание государственной должности, призванной контролировать деятельность

муниципальных властей, а так же охрана городского населения от произвола местной власти, – *defensores civitatum*. В нормативных источниках (СТ, I, 29, 1-4) говорится, что дефенсоры назначались на 5 лет префектом претория, при чем куриал не мог стать дефенсором. Главной причиной запрета куриалам занимать должность дефенсора являлось стремление защитить местное население от постоянного произвола городской администрации. Так, центральная власть обеспечила себе контроль над деятельностью городской администрации, при чём с помощью дефенсоров не только контролировалась местная власть, но ещё и охранялись свободы местного населения, на которые покушались муниципальные чиновники⁵⁴. Дефенсоры стали контролировать ведение мелкого судопроизводства, осуществление сбора налогов, а затем в 383 г. в их юрисдикцию попал непосредственно сбор налогов (СТ, XI, 7, 12).

Изначально дефенсорами были чиновники, сменившие свою привычную должность на должность «наместника» определенного города, но в 368 г. дефенсорами становились чиновники в отставке, бывшие правители, *palatini*, *agentes in rebus* (СТ, XI, 29, 3). Считается, что осуществление этой реформы и назначение дефенсоров из числа чиновников в отставке правительством было единственной возможностью получить положительный результат – эту должность получали влиятельные местные собственники, не связанные с властью и административным ресурсом, обладающие реальными возможностями для сопротивления остальным *potentes*. Такое происхождение дефенсоров обуславливалось тем, что местные чиновники в отставке больше знакомы с нуждами и потребностями местных жителей, чем представитель центральной власти из столицы, они были более осведомлены о ситуации и положении городского населения. Главной привилегией должности дефенсоров была полная самостоятельность и независимость от местной власти, что давало им полную свободу действий. Результатом такой

---

⁵⁴ *Заливалова Л.Н.* Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 154-159.

политики стало то, что управление городом попадало в руки представителей уважаемой городской аристократией, местной знати. То есть юридически закреплялось влияние *potentes, honorati*, городские вопросы не могли решаться без их деятельного участия. Непонятно отношение к этому сельских жителей после того, как их права передали влиятельной местной верхушке богатых собственников.

Таким образом, в IV в. создается принципиально новый орган власти, который независим и от курии, и от чиновной администрации. С конца IV в. права дефенсора расширяются, теперь он обладает широкими административными и полицейскими правами⁵⁵, контролирует правопорядок, выполнение законов, религиозные вопросы, муниципальную полицию, и дефенсор начинает играть огромную роль становится в муниципальной жизни города. Настолько развитый институт дефенсоров именно в таком виде подтверждает несомненное стремление к руководству делами города независимых от него местных владельцев большого количества имущества. Дальнейшее развитие этого стремление породило собой появившееся в антиохийском обществе в последней четверти IV в. собрания местной элиты или верхушки. Для решения наиболее важных проблем городской жизни руководитель вместе с курией, стал создавать собрания, куда входили представители местной знати – *honorati potentes*. Например, в 387 г. одно из таких широких собраний (*consilium*) проводилось для регламентации и решения вопросов, связанных со сбором налогов (*Liban., XXII, 20*). В последующее время такие собрания стали проводиться на постоянной основе. В результате, официально курия оставалась представлять город перед центральной властью, императором, другими городами в одиночку, но сама структура курии изменилась, в её состав вошли теперь новые части самоуправления города.

---

⁵⁵ Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // Византийский временник (ВВ). 1994. Т. 55. – С. 68-76.

На материале Антиохии прослеживается значительное усиление в IV в. роли власти епископов не в церковной, а в светской жизни города. В 387 г., после восстания, в столицу к императору с прошением о прощении Антиохии последовало не только куриальное посольство, но и самостоятельный парламентар – епископ Флавиан. До сих пор подобного выступления епископа перед императором и центральной властью «в качестве ходатая от города по чисто гражданским делам»⁵⁶ в Антиохии не было.

Из этого следует, что курия стала не единственным органом, стремившимся защищать интересы города перед центральной властью, теперь к ней присоединилась и церковь. Ранее курия считалась исключительным представителем города перед императором, остальными городскими советами, внешней угрозой, но теперь усиливающаяся епископская власть отнимала у курии эту привилегию исключительности, становилась конкурентом. И правительство стало признавать права местного антиохийского епископа в гражданских вопросах, из-за чего и подорвалось значение куриального посольств «как единственного официально признанного представительства городской общины»⁵⁷. Авторитетные епископы очень скоро стали основными «челобитчиками» по наиболее важным делам города перед администрации чиновников и императором. Вследствие этого, с начала V в. церковь стала наделяться определенными официальными правами в формальной должностной городской жизни. Хоть Либаний это и не упоминает, но, вероятно, представителей церковной власти уже с IV в. приглашали на определённые собрания у императора. Совсем скоро, по всей видимости из-за частого осуществления этих сборов, правительство начало постепенное юридическое признание этих собраний. 409 г. ознаменован изданием эдикта, в содержании которого указывалось, что дефенсоров города избирало собрание епископов, клириков, гоноратов, поссессоров и куриалов и утверждались префектом претория.

---

⁵⁶ Кулаковский Ю.А. История Византии, т. I. Киев, 1913, – 124 с.

⁵⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии, т. I. – СПб., 1996. – 486 с.

Издание эдикта 409 г. обозначало создание нового официально признанного органа муниципального самоуправления в Антиохии. Дефенсор превратился, тем самым, в первого некуриального муниципального магистрата, который был независим от курии. Собрание же городской элиты, возглавлявшееся городским епископом, стало в V в. самым важным органом местного самоуправления, у которого в подчинении теперь стала находиться курия. Распределение городского имущества так же стало заниматься собрание местной верхушки, чьим представителем и являлся дефенсор. Помимо прочего это собрание взяло под контроль важнейшие сферы деятельности курии, а также получило право её контролировать.

Таким образом, над Антиохией постепенно складывался контроль независимых земельных собственников местного происхождения, которые, в отличие от античных муниципальных землевладельцев, куриалов, не имели связей с городом никакими обязательствами, «не несли по отношению к нему никаких муниципальных повинностей»⁵⁸. Они участвовали в самоуправлении города, их мотивом была исключительно личная заинтересованность. Таким образом, в IV в. курия значительно изменила свой статус в сравнении с предыдущей эпохой. Изменился способ участия знатного населения Антиохии в жизни города. Например, до этого крупных земельных собственников (если у них существовал экономический и политический интерес к сохранению отношений с городом) записывали в состав его граждан, в прослойку куриалов, ими бралась ответственность за выполнение литургий, на них налагалась ответственность подчиняться интересам всего коллектива полиса. После реформирования системы курий, местная верхушка стала фактически руководителем городских дел, но «сохранила в своей деятельности по отношению к городу полную свободу»⁵⁹. Участие в

---

⁵⁸ *Гийан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV – VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // *Византийский Временник.* №24. 1964. – С. 35-48

⁵⁹ *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). – Л., 1962. – С. 76.

собраниях местной знати для руководства жизнью города открывала им доступ для успешной защиты своих городских интересов перед чиновной администрацией, не беря на себя никаких определенных обязательств.

Из этого следует, что в Антиохии в IV в. снижается значимость курии в экономике и политике города. Также IV в. характерен для Антиохийской курии утратой и многих административно-фискальных, полицейских функций, гарантировавших ее известную самостоятельность. Состав верхушки курии показывает, что некоторыми органами не только не выполнялись свои функции по охране интересов населения города перед местной администрацией, но происходило превышение полномочий своего положения и влияния, активно грабились горожане. Также можно заметить, что церковь стала играть большую роль и отнимала часть полномочий муниципальной верхушки. Таким образом, муниципальной организацией в этот период не обеспечивалась элементарная защита потребностей и жизнедеятельности местного населения от произвола со стороны властей.

II. 2. Эволюция муниципального самоуправления Кесарии Палестинской.

С самых первых дней своей деятельности в качестве столицы провинции и римской колонии, Кесария стала одним из самых значимых городов в регионе⁶⁰. Прежде чем определить место города в системе провинциального управления, мы считаем необходимым, проследить эволюцию административно – территориальных преобразований в Палестине в изучаемый нами период, приводивших к изменениям территории, находившейся под властью Кесарии.

---

⁶⁰ Ващева И. Ю. Кесария Палестинская в III - первой половине VII вв. // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). 2005. – С. 5.

В перфектуре Востока было выделено пять диоцезов: Фракия, Восток, Египет, Азия, Понт – их границы не всегда совпадали с границами прежних провинций.

Каждый Диоцез представлял собой довольно обширную территорию, которая делилась на, так называемые, провинции, общее количество которых при Диоклетиане составляло 97, а во времена *Notitia dignitatum* (конец IV или начало V веков) – 117, из которых 61 находились в Восточной империи⁶¹. В Диоцез Восток первоначально были включены все ближневосточные провинции, одной из которых стала провинция Палестина с центром в Кесарии.

Приблизительно в 358 году «укрупненную» Палестину разделили на Палестину *Salutaris* и собственно Палестину⁶².

Хотя Кесария осталась столицей провинции Палестина Прима, ее политическое значение значительно пострадало вследствие этих разделов. Следует так же остановиться на том моменте, что Кесария никогда в период римского и византийского владычества фактически не лишалась столичных прав, хотя события первой половины V века чрезвычайно ограничили область юрисдикции Кесарии⁶³. В таком состоянии провинция просуществовала вплоть до арабского завоевания VII века.

Исследователи отмечают, что города в пределах Римской империи возникали одним из нескольких способов. Некоторые из них были первоначально основаны на широкую ногу и наслаждались обширной экономической, политической и культурной независимостью и пользовались всеми правами и привилегиями греческих городов с самого начала (например, Александрия, Селевкия и Константинополь). Другие же, достигали признания только после длительного периода роста и развития.

---

⁶¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т.3. – С. 38.

⁶² Грушевой, А. Г. История формирования византийской провинции Палестина Третья // Византийский временник. М., 1991. Т. 51. – С. 124.

⁶³ Levine Lee I., Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. – P. 47.

Только отдавая дань первым, они значительно выросли в численности населения и приобрели колониальные или городские права в период крупномасштабной урбанизации в первые века нашей эры⁶⁴.

Развитие Кесарии аккуратно вписывается в эту схему как образец. Первоначально построенный с размахом, город, казалось бы, наслаждался престижным муниципальным званием среди городов области. Однако, так как его основатель был зависимым царем, город не имел привилегированного статуса по отношению к Империи в целом⁶⁵.

Положение Кесарии в лестнице муниципальных отличий стало возрастать только после Иудейской войны с разрушением Иерусалима. По свидетельству Плиния, Кесария стала первым городом, возведенным в сан римской колонии при императорах Флавиях⁶⁶. Официальное название, сохранившееся на городской чеканке, звучит как *Colonia Prima Flavia Augusta Caesarensis (Caesarea)*⁶⁷.

Столичный статус городу был предоставлен Александром Севером – последним императором из династии Северов. Примечательно, что надпись с упоминанием столичного статуса города, была дана по-гречески. Использование греческого в этой надписи может указывать на своего рода «дероманизацию» колонии Кесарии⁶⁸.

Рубеж III века стал переломным в римской истории. Этот переходный период также затронул и Кесарию, хотя и не в таком негативном плане, как многие другие города. Политически и экономически город сохраняется, и на некоторое время даже повышает свое выдающееся положение, а также в это время растет до беспрецедентных размеров⁶⁹.

---

⁶⁴ Rich J. *The City in Late Antiquity*. Routledge; New Edition, 1996. – P. 11.

⁶⁵ Levine Lee I., *Caesarea under Roman Rule*. Leiden: Brill, 1975. – P. 5.

⁶⁶ Ранович А. *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.* М., 2013. – С.137.

⁶⁷ Levine Lee I., *Caesarea under Roman Rule*. Leiden, 1975. – P. 35.

⁶⁸ Abel F.M., Barrois, A. *Fragments de Cesaree la metropole* //RB, XL. 1931. – P.294 - 295.

⁶⁹ Levine Lee I. *Caesarea under Roman Rule*. Leiden: Brill, 1975. – P. 46.

Город был поднят в ранг метрополии при Александре Севере, однако точные обстоятельства данного благодеяния остались не известными. После этого полное наименование города содержало фразу «Metropolis Provinciae Siriae Palaestinae», об этом свидетельствует надпись на монетах⁷⁰.

Политически Кесария достигла своего апогея в начале IV века⁷¹. К этому времени она представляла собой достаточно крупный город, являлась столицей еще не разделенной Палестины. Статус ее значительно повышается с расширением провинции на рубеже III – IV веков.

О политическом значении города говорит так же наличие ипподрома. Ипподромы находились далеко не во всех городах империи, особенно редко они встречались в Восточной части Римской империи. Интересное описание империи III – IV вв. приводит Т. Момзен в своем труде «Истории Рима»: «Антиохия имеет в избытке все чего только можно пожелать, но прежде всего скачки. Скачки имеют также Лаодикея, Тир, Кесария (в Палестине). В другие города Лаодикея посылает наездников. Тир флейтистов, Газа – музыкантом... Аскалон – борцов, Кастабала (в Киликии) – кулачных бойцов»⁷².

Административное управление провинцией осуществлял наместник или губернатор. С середины II в. неофициально появился титул презид (praeses), который на протяжении III в. превратился в официальный титул наместников всяких провинций (различия между ними полностью стерлись). Он обладал судебной, фискальной, а также административной властью на территории вверенной им провинции, имел собственную резиденцию в главном городе и объезжал страну для общего надзора. Эти должностные лица, в противовес наместникам ранней империи, отвечали исключительно за

⁷⁰ *Sivan Hagith* Palestine in Late Antiquity. Oxford.: University press, 2008. – P. 76.

⁷¹ Болгов Н.Н., Болгова А.М., Агаркова Ю.Н. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время // Кондаковские чтения – IV. Белгород, 2013. – С. 78-83.

⁷² *Моммзен Т.* История Рима. Т V. Кн. 8: Страны и народы от Цезаря до Диоклетиана. Ростов – на – Дону, 1997. – С. 360.

гражданскую администрацию. До реформ Диоклетиана им всё ещё подчинялись пограничные войска, но с IV века они были лишены и этого командования. Они вели наблюдение за деятельностью властей города, а также за всем, что касалось сферы общественного порядка. По каким – либо вопросам они могли обратиться к викариям и префектам, а в отдельных случаях и к самому императору⁷³.

Кроме того, администрация города была построена по образцу римской модели, и городской монетный двор чеканил монеты с латинскими легендами. Достаточно трудно определить, в какой степени это латинское влияние пронизало городскую жизнь.

В отсутствие губернатора, один из его подчиненных, как правило, воинского звания, сотрудничал с городскими властями. Евсевий рассказывает, что во время гонений на христиан в Галлии, местный трибун и городские магистраты работали вместе, чтобы получить обвинительное заключение и признание обвиняемого (Eusebius, EH 5. 1.8).

Источники изучаемого периода ничего не говорят относительно отношений между кесарийской муниципальной организацией и губернатором провинции.

Хотя местные власти сохраняли определенную степень автономии, явные признаки императорского надзора и контроля над муниципальными делами уже появляются во время правления Траяна. Возможно, благодаря аккумуляции муниципальных ресурсов из-за многих военных кампаний императора, а также с увеличением богатства центрального правительства посредством доходов от продажи этих кампаний, Рим начал брать на себя управление некоторыми аспектами муниципальной жизни. В это время, например, специальный представитель правительства, куратор, был назначен руководить местными финансами⁷⁴.

---

⁷³Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб, 1996. Т.3. – С. 278.

⁷⁴Моммзен Т. Указ. соч.

Порой сами города проводили тенденцию к правительственному контролю с помощью привлечения помощи в урегулировании определенных претензий, или разрешения различных благотворительных фондов, почетных степеней, подарков и т.д.⁷⁵

Кроме довольно больших размеров самой городской территории, а также присутствия ипподрома и губернаторской резиденции, источники III – IV вв. полны указаний о том, что именно на указанной территории происходили суды над различными христианскими деятелями, о том, что тут содержались в тюрьме, а потом были казнены те или иные мученики. Исходя из этого становится очевидным, что здесь же располагались и органы правосудия⁷⁶.

Кесария являлась в провинции резиденцией верховного суда, что так же добавляло ей престижа и процветания. Известно, что за помощью к кесарийскому коллеге Р. Аббаху обращались еврейские мудрецы Тивериады в случае их утверждения перед кесарийским проконсулом.

Таким образом, можно установить, что в III – первой половине VII вв. Кесария на самом деле была большим административным центром сначала Римской, а после и Византийской империи. Она являлась главным городом провинции Палестина Первая. Следует отметить, что закат и окончание византийского правления здесь происходит в эпоху арабских завоеваний VII века. В 640 году после смерти императора Ираклия город был взят (Mich. Syr. XI, 8 Theoph. 341.23). Кесария при арабах, также как и многие другие большие города греко-римского периода, расположенные в прибрежной зоне (Тир, Карфаген и Александрия), уменьшились по своей значимости. Процветать в этот период стали внутренние города, такие как Фустат, Багдад, Кайруан, Алеппо, Дамаск т.к. Ближний Восток перешел в эпоху, в которой пустыня заменила море, как путь коммуникаций.

---

⁷⁵Levine Lee I. Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. – P. 43

⁷⁶Ващева И. Ю. Кесария Палестинская в III - первой половине VII вв. // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). 2005. – С. 15.

Помимо провинциальных властей в городе было широко представлено городское самоуправление. Основы системы муниципального управления городом были заложены с началом римского владычества в Палестине при царе Ироде. Стремясь получить поддержку римских властей, он называет основанный город Кесарией в честь кесаря Августа.

Со ссылкой на Кесарию упоминаются «магистраты» (Jos. Flav. Antiquit. XX, 8, 7, 174), а также проведение публичных собраний, где Ирод официально обвинил некоторых чиновников и обратился за помощью к народу в исполнении смертного приговора (Jos. Flav. Antiquit. XVI, II, 7, 392-393). Как и в каждом городе Империи, Кесария была ответственной за управление в окрестностях, и муниципальные чиновники обладали такой же юрисдикцией в этих сельских районах, как и в самом городе⁷⁷.

Автономия в городах Ирода была ограничена внутренними делами, и даже тогда она попадала под бдительное око царского чиновника, архонта или стратига. Эти агенты были назначены для руководства крупным районом или конкретным городом. Иерусалим и Кесария Panaeas конкретно упоминаются как имеющие таких должностных лиц⁷⁸.

Эволюция муниципального самоуправления и городского строя обращает на себя внимание, в первую очередь, из-за перемен, которые происходили в политической, социальной и экономической жизнедеятельности города, как конкретный определенный результат данных трансформаций, зафиксированный в его политическом строе. Следует отметить, что муниципальное самоуправление охватывало лишь греко – римское население, в то время как евреи и самаритяне управлялись отдельно. Положение Кесари в качестве ведущего политического и экономического центра в Палестине, естественно, привлекало тех, кто искал преимуществ и привилегий муниципальной жизни.

---

⁷⁷Levine Lee I. Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. – P. 17.

⁷⁸Там же.

Наиболее важная на сегодняшний день латинская надпись, обнаруженная в Кесарии, непосредственно связана с характером муниципального управления. Надпись гласит: «Марк Флавий Агриппа, понтифик, дуовир Colonia Prima Flavia Augusta Caesarea, оратор, в соответствии с указом декурионов об общественных средствах» (Jos. Flav. Antiquit. XV, 7, 9, 254).

Из надписи мы узнаем о существовавших в городе должностях. Дуовиры – название, применявшееся к различным магистратам и уполномоченным в Риме и в колониях и муниципиях. Важнейшими из этих магистратов были дуовиры для судопроизводства, дуовиры священнодействий, морские дуовиры, дуовиры для освящения храма, дуовиры для расчищения дорог за городом, дуовиры по делам о государственной измене. Понтифик – должность упоминаемая в конституциях некоторых римских городов, коллегия понтификов осуществляла верховный контроль над всеми религиозными вопросами и всеми предметами и лицами, связанными с частным и общественным культом. Оратором, возможно, называли официального представителя города перед имперскими властями.

Как дуовир, понтифики оратор⁷⁹, Агриппа, несомненно, принадлежал к местному декурионату, который выделил средства для его захоронения и надгробную плиту. Кроме того, эта надпись является важным свидетельством того, что город обладал правительством римского типа и, что чиновники были должным образом названы латинскими названиями.

Мало что известно об отношениях между императорской властью и местными муниципальными органами власти. Теоретически, по крайней мере, прокураторы, а также губернаторы в начале империи свели к минимуму вмешательство в городские дела. Закон Юлия, начиная с I века до н.э., запретил римским губернаторам лишать города свободы

---

⁷⁹ Jones, A.H.M. The Later Roman Empire. 2 vols. Oxford, 1964. – P. 725.

(*Libertas*)⁸⁰; муниципалитеты по всей Римской империи пользовались самоуправлением местных магистратур, местного совета и народного собрания⁸¹.

Тем не менее, даже в конце Республики, посягательство на городское самоуправление стало очевидным. Многие судебные функции местных органов власти были поглощены имперскими чиновниками⁸². Особенно это верно для уголовной юрисдикции, даже в гражданских спорах более важные дела, видимо, рассматривались местными представителями центрального правительства.

Изучаемый нами период в истории Кесарии Палестинской, показателен в плане устойчивости античного муниципального самоуправления. В этот период оно еще не сломлено государственным этатизмом, хотя определенные предпосылки этого процесса уже существуют. «Сила курии», основывалась, в первую очередь, на социально-экономической значимости муниципальной организации. Одной из главнейших основ экономической базы муниципальной организации и муниципального бюджета составляла земельная собственность. В результате потерь в III веке доли своих имуществ в особенности в результате конфискаций в IV веке при Константине – Констанции, заметно сузилась область экономической деятельности муниципальной организации⁸³.

Позже все-таки 1/3 доходов от прежних имуществ была возвращена городам, однако были возвращены лишь только доходы, а вот непосредственно имущества остались под управлением *resprivata*. Следует отметить, что указанные средства зачислялись не муниципальную кассу, а в

---

⁸⁰*Brunt P.A. Charges of Provincial Maladministration under the Early Principate // Historia. X. 1961. – P. 189.*

⁸¹*Reid J. The Municipalities of the Roman Empire. Cambridge, 1913. – P. 243.*

⁸²*Levine Lee I. Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. – P. 21.*

⁸³*Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. – С. 146.*

специальную, так как они были предназначены не именно на нужды муниципальные, а на мероприятия общегосударственные, например, строительство фортификационных укреплений городов. Данные средства могли расходоваться исключительно по указанию правительства на строго определенные нужды, при этом должен был осуществляться строгий контроль правителей⁸⁴. И лишь при условии того, что, в кассе могли остаться средства, которые не были использованы для сооружения укреплений, по непосредственному разрешению власти данные средства могли перенаправляться на нужды города.

По мере завершения в течение IV века строительства городских укреплений, данные средства начинали представлять все более значимую часть бюджета город. Следовательно, на протяжении IV века доля средств, которая шла на нужды города, все больше и больше составляла уже не из собственных средств города, а из части дохода государства, которое отпускало из своих имуществ на потребности того или иного города⁸⁵. Таким образом, со временем происходил разрыв непосредственной связи муниципальной организации с земельной собственностью, которая являлась характерной чертой для полиса античного времени⁸⁶.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что, к концу IV века в муниципальной жизни и поддержании городского хозяйства все большую роль начинали играть, с одной стороны – повинности торгово-ремесленного населения, прямые денежные поборы, разного рода отчисления от торговых поборов, доходы от эксплуатации внутригородских имуществ – лавок, с другой стороны – расходы императорского казначейства⁸⁷. В тоже время все более утрачивала свое значение роль литургической деятельности

---

⁸⁴*John Rich. The City in Late Antiquity. Routledge, 1996. – P. 119.*

⁸⁵*Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город: (Антиохия в IV в.). Л., 1962. – С. 86.*

⁸⁶*Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. – С. 148.*

⁸⁷*John Rich. The City in Late Antiquity. Routledge, 1996. – P. 121.*

муниципальных землевладельцев – куриалов, которая являлась довольно характерной для рабовладельческого города и муниципальных доходов от земельной собственности города.

Также стоит отметить, что в IV веке происходит упадок значимости курии и в других областях политической и экономической жизни города. Таким образом, на протяжении IV века, курия, являвшаяся органом самоуправления античного рабовладельческого города, постепенно утрачивала свое значение в жизни города по мере своего разложения. Одни из функций античного полисного самоуправления функции по организации эксплуатации земельной собственности города, организации раздач беднейшим согражданам, языческих празднеств, руководству храмовым хозяйством и т. д. постепенно отмирали, другие, не связанные с чисто античным характером городской жизни, переходили к независимым от античной полисной организации общественным силам.

Таким образом, в IV веке трансформации в сфере социальных отношений в ходе распада рабовладельческих отношений предопределили довольно значительные перемены и в городском строе. По ходу распада экономической базы античного полиса происходило сокращение полномочий в управлении городом и его территорией курии, которая являлась общественной организацией.

В данном упадке в ранней Византии куриальных – старых форм управления, а также в зарождении иных – новых форм городского самоуправления, по всей видимости, находили свое проявление элементы феодализации политической организации ранневизантийского города, в противовес распаду античного рабовладельческого полисного строя⁸⁸.

II. 3. Эволюция местной власти в Херсоне (Херсонесе).

---

⁸⁸ Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. – С. 149.

Муниципальная структура Херсонеса в целом схожа с остальными ранневизантийскими городскими муниципалитетами, но специфические геополитические, экономические, культурные особенности города повлияли на складывание особой муниципальной структуры. Ранневизантийский город не раз становился объектом археологического исследования, что подчеркивается в работе Д. Смедли⁸⁹. Исследователь говорит о том, что Херсон обладает богатейшими ресурсами для исследований в области археологии, если сравнивать город с другими византийскими центрами. Часть археологического материала сохранилась несмотря на то, что многие центры в регионе потерпели ущерб во время военных действий в Крымской (1853-1856 гг.) и Второй мировой войнах (1939-1945 гг.). Раскопки первой половины XX века, по замечанию Д. Смедли, осложнялись по причине отсутствия «дробной» стратиграфии. При исследовании археологического материала до 1950-х годов в северных областях были обнаружены следующие слои: V-VI вв., IX-X вв., XII-XIII вв.⁹⁰.

После рассмотрения исследований российских историков, Д. Смедли отмечает, что во второй половине XX века поменялся курс исследований (начало – 1958 год). Археологическое изучение города было направлено на раскопки северо-западных территорий города, в районе порта. Начиная с 1958 года, археологическое исследование Херсона (Херсонеса) проводилось в следующих направлениях:

1. попытка восстановления истории непосредственно Херсонеса;
2. изучение Херсонеса как формы эволюции города ранней Византии;

---

⁸⁹ *Smedley J.* Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // АП. 1979. Т. 35. – Р. 173.

⁹⁰ *Smedley J.* Op. cit. – Р. 175.

3. положение Херсонеса в качестве центра в структуре черноморских торговых связей.

Среди спорных вопросов, по которым идет попытка восстановления истории города, спорным является эпоха «темных веков». По мнению Д. Смидли, упадок, который характерен для VII-IX вв., мог произойти в конце VI века или раньше. Если говорить о более позднем времени, то уже в середине IX в. наблюдается своеобразное «преодоление кризиса» – начался новый этап в развитии экономики. Это можно проследить благодаря постройке оборонительных сооружений, ремонту нуждавшихся в обновлении защитных стен, а также в реформировании базилик. Подъем городской жизни отчетливо виден в нумизматическом материале – появляются монеты местной чеканки. Были также получены многочисленные находки керамического материала. Но стадильность городской жизни все же требует более детального и обстоятельного изучения. Одним из средств изучения является конкретизация датировки археологических данных. Так, Д. Смидли обратил внимание на керамический материал: он заметил, что керамика IV-VI вв. может появляться и в VII веке. Также рыбозасолочные цистерны продолжали строиться и в VI веке (на основании данных северных районов). Эти факты явились подтверждением утверждения ученых о преодолении кризисных явлений.

Работы, в которых можно найти сведения о существовании ремонта крепостей и стен VII-VIII вв., принадлежат И.А. Антоновой. По ее мнению, город в «темные века» не являлся опустевшим. Это предположение основано на том, что стены зданий позднего времени (IX-X вв.) расположены на линии границ более старого расположения города. Несмотря на многие попытки доказать отсутствие кризисных явлений в Херсонесе, все же о существовании упадка говорят многие исследователи.

Существует и мнение о том, что в VII в. уменьшилось значение Херсона (по сравнению с предыдущим периодом времени). Данная гипотеза нашла отражение в исследовании С.П. Шестакова. Он предположил, что одна

из главных причин упадка и кризиса VII-середины IX вв. – внешнеполитическая ситуация. Разделяют данную позицию о кризисных явлениях в Херсоне А.Л. Якобсон. В своем труде «Средневековый Крым» он выразил мнение, что Херсон «разделил судьбу многих византийских городов, пришедших в упадок в результате крушения рабовладельческого строя»⁹¹.

«Темные века» Херсонеса, относящиеся к середине VII в. – середине IX в. стали непростыми и в жизни Византийской империи. Это время ознаменовалось множеством военных конфликтов, появления фемного строя, на этот период пришлось и множество иконоборческих споров, что отразилось на состоянии источников.

Характер прослеживаемых данных источников не дает возможность воссоздать полную картину взаимодействий и отношений жителей Херсона и центральной власти в эпоху «солдатских императоров» (235-285 гг. – «Кризис третьего века») и в период образования Восточной Римской империи. Исследователи считают, что явления и процессы того периода не могут быть воссозданы в полной мере, базируясь на множестве достоверных источников, а исключительно гипотетически. Хотя некоторые предпосылки для их восстановления все же существуют.

Есть вероятность, что в борьбе за власть, которая происходила в империи в третьей четверти III в. н. э., из города вывели располагавшиеся в нем войска. Мнение основано на археологическом материале: была исследована цитадель – место, где располагались военные части, а также изучены эпиграфические памятники. Такая точка зрения прослеживается в работе украинского археолога В.М. Зубаря⁹².

---

⁹¹ Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – М.-Л., 1964. – С. 22. Сказанное в данной монографии повторяет некоторые выводы более ранних работ (Раннесредневековый Херсонес; О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса)

⁹² Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – Киев, 2004. – С. 209.

Уделял внимание месту нахождения военных структур в Херсонесе исследователь В.В. Латышев⁹³. Новые материалы смогли изменить точку зрения, которая гласит, что римские войска располагались в городе постоянно непосредственно до IV в. Данное мнение было поддержано С.П. Шестаковым⁹⁴ в монографии «Очерки по истории Херсонеса...». Такая позиция прослеживается и в трудах ученых второй половины XX века. Так, А.Л. Якобсон, в работе которого не особо затронуты события «третьего века» считал, что военные подразделения находились в Херсоне в период – правление Константина Великого (306-337 гг.) до Юстиниана I (527-565 гг.). Это мнение основано на исследовании строительных надписей и тем, что в городе находились мятежные сановники. Отметим, что город имел некоторую автономию во внутренних делах, и такая самостоятельность существовала до начала IX в. После - ликвидация самостоятельной политике по причине образования фемной системы.

Существуют сведения о ссылке Прокопия, который участвовал в заговоре против императора Валента (328-378 гг.). Эти сведения отразили некоторую характеристику города: «В этих сообщениях Херсонес IV-V вв. выступает как отдаленный, северный пункт империи среди сплошь враждебного населения, где византийское господство было далеко не прочным. Город, по существу, был оторван от Византии»⁹⁵.

В.М. Зубарь не исключал возможность нового вступления имперских войск в Херсон на рубеже III-IV вв., и заметил, что пребывали они там, вероятно, совсем недолго. Причина данного явления кроется в том, что в конце III века возникло противостояние между двумя центрами Таврики –

---

⁹³ *Латышев В.В.* Жития святых епископов Херсонских: Исследования и тексты // ЗАН. 1906. Т. 8. Ист.-филол. отд. № 3. – С. 39-41.

⁹⁴ *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. // ПХХ. 1908. Вып. 3. – С. 19.

⁹⁵ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. – С. 19.

Херсонесом и Боспорским царством. Также в это время была угроза со стороны варваров.

Обратимся к источникам: воссоздать и проследить событий ряд истории города может сочинение «Об управлении империей»⁹⁶, одна из глав которого посвящена Херсонесу («Повествование о крепости Херсон»). Константин Багрянородный уделяет внимание ряду вопросов: например, дает сведения, каковы должны быть действия при возможном мятеже жителей города. В сочинении нашло место отражение жизни Северного Причерноморья при Диоклетиане (284-305 гг.) и Константине (306-337 гг.) Константин зафиксировал следующую информацию: «Когда Диоклетиан царствовал в Риме, а венценосцем и протевонем в стране херсонитов был Фемист, сын Фемиста, Савромат из боспорян, сын Крискорона, собрав сарматов, населяющих берега Меотиды, выступил против ромеев»⁹⁷.

Г.Г. Литаврин, который является переводчиком сочинения, считает, что в тексте присутствуют несколько сюжетов:

- о войне Савромата и римского полководца Константа (предположительно, Констанций Хлор);
- описание военных конфликтов со «скифами». Победу одержали херсониты;
- неудачная попытка «другого» Савромата одержать реванш над херсонитами;
- описание подвига Гикии, дочери «венценосца и протевона» Ламаха – спасение города от захвата боспорян. Данная часть изложена подробно и целостно по сравнению с предыдущими сюжетами.

---

⁹⁶ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – 501 с.

⁹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. - Гл. 53.

Исследователи подвергали сомнению события, которые описаны в сочинении Константина Багрянородного. В большей степени на это повлиял немецкий историк античности Т. Моммзен (1817-1903 гг.). Его мнение о данных событиях таково, что сведения императора можно считать «херсонесскими сказками».

Существует ещё одно датированное событие, которое объясняет взаимоотношения между центральной властью и Херсонесом. Событие относится к 488 г. (периоду правления императора Зенона – 474-491 гг.). Была обнаружена надпись около фланговой башни («башня Зенона») в районе порта, где вместе с похвалами императору отмечено следующее: «их благочестие, возревновавший во всех городах, так и в этом его городе, даровало выдачу денег, именно собираемые на мытницы здешнего викарата преданных баллистариев. На эти (суммы) возобновляя стены во спасение этого самого города и благодарствуя, поставили мы эту надпись в вечное воспоминание их царствования. Возобновлена же башня эта трудом светлейшего комита Диогена лета 512 индикта».

По мнению В.В. Латышева, надпись свидетельствовала о подчинении в городе таможи и баллистарии викарату⁹⁸.

В дальнейшем этот сюжет изучался историком-античником В.М. Зубарём и специалистом средневековой истории Византии С.Б. Сорочаном. Текст, в котором говорится о восстановлении стен, и сведения императора Константина натолкнули историков на мысль, что он предоставил Херсонесу статус «свободного города». Но есть небольшое затруднение в этом, ведь город не находился в составе Римской империи до V в. Поэтому, опираясь на данные из различных областей империи, исследователи (М.И. Ростовцев, С.П. Шестаков, А.Л. Якобсон) пришли к выводу, что упоминающийся в надписи Диоген, упоминающийся был «комитом города и только курировал

---

⁹⁸ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. – С. 15.

дела в Херсоне»⁹⁹. Также А.Л. Якобсон имел некоторые уточнения на этот счет: полагал, что «Диоген исполнял функции коммерциария и был главой финансового управления Херсона»¹⁰⁰.

Источники при детальном изучении могут дать необходимую информацию об этом: таможенными сборами и местным ополчением ведал комит Диоген; императором определялись цели расходования финансовых средств. Среди мер со стороны правительства было то, что оно обеспечивало безопасность местных жителей (херсонитов). Эти действия могут сказать о том, что Херсонес был в составе административной системы города со времени Константина I, но определить какие привилегии были предложены жителям Херсона, не является возможным.

Именно из-за отсутствия хронологически выдержанных сведений о системе властей города и появились две взаимоисключающие гипотезы.

Первая из которых была основана на сведениях византийских хронистов Никифора и Феофана, а также Константина Багрянородного, разработана С.П. Шестаковым и А.Л. Якобсоном, которые считали, что в Херсонесе в ранневизантийское время действовало самоуправление. Оно основывалось на местной знати, как их называли – «отцов города», а на другом полюсе находилась центральная власть, и между ними существовала конфронтация. Данный тезис подчеркивается историком И.В. Соколовой, которая благодаря сфрагическому и нумизматическому материалу подкрепляет сведения письменных источников.

С.Б. Сорочан отстаивал другое мнение: он считал, что между центральной властью и городскими жителями складываются отношения, в которых херсониты выступают в качестве «лояльных верноподданных

---

⁹⁹ *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 1907. Вып. 23. 10—11; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. – С. 98.

¹⁰⁰ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес... – С. 22.

империи», и то, что в Херсонес ссылали мятежников, может быть тому подтверждением¹⁰¹.

В византийский период истории Херсонеса не идёт речь о «государственном устройстве», как уточняют некоторые исследователи. Законодательные акты византийских императоров, касающихся постройки защитных стен и источниках их финансирования подтверждает, что центральное правительство проявляло заботу о городе, в котором проживали его подданные, «поэтому речь может идти только лишь о статусе Херсона в структуре государств»¹⁰². Именно по этой причине наиболее важным вопросом является, насколько устойчивы были традиции самоуправления в Херсоне, насколько выдержано там следовали политике центра стоящие во главе местной городской администрации, каким изменениям подвергались органы самоуправления (если они существовали) со временем? В то же время необходимо понимать, что независимо от назначения представителя столицы из числа местной знати или выбора нового человека, посланного из столицы, «он состоял на государственной службе, поскольку Херсон являлся составной частью империи»¹⁰³.

Из этого следует, что основной проблемой статуса Херсона является вопрос о возможности считать присутствие в городе «чиновников» несовместимым с частями муниципальных свобод.

Таким образом, сообщения о существовании самоуправления в Херсоне встречаются в работах общего характера. Например, на основе сведений средневековых историков М.И. Артамонов говорил о

---

¹⁰¹ Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. – С. 21-46.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Романчук А.М. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Том 2: Византийский город.— Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. – 618 с.

существовании неурядиц в Херсоне в начале VIII в. Помимо этого предполагалось о становлении в городе независимости¹⁰⁴.

Упоминания Херсона по причине обращений к особенностям развития городов Византии в целом встречаются у М.Я. Сюзюмова, который считал наличие самоуправления до образования фемы доказанным фактом¹⁰⁵.

Появление фем необходимо относить ко времени правления Ираклия (610—641). Но причины, которые вызвали потребность в изменениях, стали складываться ещё при его предшественниках. Постоянные военные конфликты Юстиниана Великого, которыми он стремился восстановить Великую державу ромеев, требовали расхода значительных денежных средств. В дальнейшем Юстин II (565—578) и Тиверий Константин (578—582) содержали пышный двор, занимались строительством, раздавали солдатам и вождям варваров подарки для сохранения мира, чем подрывали государственное экономическое состояние империи. Так же разорительно влияли на экономику богатые награды и раздача должностей множеству родственников императора Маврикия. «В октябре 610 г. Ираклий вошел в Константинополь. Фока был казнен, а сын Карфагенского экзарха провозглашен императором»¹⁰⁶.

Держава, которая досталась Ираклию, испытывала определённый кризис. Для решения проблем содержания армии и обеспечения защиты пограничных районов Ираклием были созданы фемы, которые являлись военно-административными округами, в которых военная и гражданская власть принадлежала стратигу. Войско, которое состояло из стратиотов, было сформировано из местных жителей, обладавших наследственными участками

---

¹⁰⁴ *Артамонов М.И.* История хазар. М., 1962. – С. 302. Исследователь отмечал, что в Херсоне существовало самоуправление. Именно эта фраза вызывает возражения С.Б. Сорочана.

¹⁰⁵ *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (середина VII — середина IX в.) // Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. – С. 127.

¹⁰⁶ *Латышев В.В.* Указ. соч. – С. 112.

земли. Боевая единица (фема) разделялась на турмы, друнги, ванды. Появившееся в результате реорганизации войско должно было обеспечивать себя самостоятельно за счет доходов с земли.

Говоря о Херсоне, часто встречается утверждение, что присутствие в городе протевонгов и архонтов практически единственное доказательство существования местного самоуправления, а также особого статуса полисной организации города в VII-VIII и последующее время, по крайней мере до назначения сюда стратига василевсом Феофилом¹⁰⁷, которое произошло не ранее 839 г. и не позже января 842 г.¹⁰⁸ Исходя из этого данная ситуация зачастую понимается исследователями так, будто Херсон "возвратила" Византии только в IX в.¹⁰⁹ На самом деле термин "первенствующие" (протеύοντες, πρώτοι, протеύον-τες πρώτοι της πόλεως) был уникальным,

---

¹⁰⁷ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 37-38, 53; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. (1994). 1995. Вып. 4. – С. 588.;

Алексеевко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997-1998. Харьковский историко-археологический сборник. – Харьков. – С. 151.

¹⁰⁸ *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 689-700; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. – С. 312-323.

¹⁰⁹ *Hannick Chr.* Annexions et reconquetes byzantines. Peut - on parler d'un uniatisme byzantin? // *Irenikon*. 1993. N 66. – P. 451-474. Более того, в свое время А.Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице "протов или протевонгов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.", продолжала существовать, "хотя и с меньшим значением", в X в. и лишь в следующем столетии "в основном" прекратило существование {*Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес... С. 19-20. Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращать внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противоестественное для права и менталитета империи словосочетание - "самоуправляемый имперский город".

использовался исключительно для обозначения власти и знати Херсона¹¹⁰. Тем более термины «чиновничество» и «аристократия», «знать» для жителей Византии этого периода были практически синонимичны. С VIII-начала IX в. протевоны стали существовать даже в больших деревнях на территории Малой Азии, где ими осуществлялись некоторые должностные функции. Совмещали они эти функции вместе со старостами – протами деревень и низшими платными служащими – ипиретами (πρώτοι της κώμης, ὑπερήται). Пользуясь сводкой сведений, составленной А.П. Рудаковым, можно увидеть «первенствующих» в V-VII вв. в таких ромейских городах как палестинский Никопол (Патерики), Спарта ("Лавсаик" Палладия), Александрия (Иоанн Мосх), Эфес (Житие Феодора Сикеота); во второй половине VIII-начале IX в. – Амастрида (Житие Георгия Амастридского); во второй половине IX в. – Самос, входивший в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой половине X в. – Трапезунд (Житие Афанасия Афонского). Помимо прочего, «термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой половины XI в.»¹¹¹. Его уже практически ничего не связывало со слоем служилых лиц империи. Редко термин «протевон» становился родовым именем, что доказывалось печатям стратега Иоанна Протевона, отправлявшего эту должность и в феме Херсон, и, вероятно, также в феме Пелопоннес (в обоих случаях с обладанием высокого чина императорского протоспафария). И.В. Соколовой было произведено датирование его херсонесской печати второй половиной X-началом XI в., а Н. и В. Зайбт считали верной датой рубеж X-XI вв. Остается загадкой лишь порядок карьеры протоспафария. Н.А. Алексеенко считает, что за «неудачу в Пелопоннесе» он перевелся василевсом подальше в провинцию, "из центральной области империи в далекую провинцию Херсон". Хотя неясно,

¹¹⁰ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. – С. 77, 78.

¹¹¹ Сюсюмов М.Я. Византийский город (середина VII-середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. – С. 68.

какие из мест были более окраинными, потому что как родовое имя Протевон могло подходить, например, выходцу знатного семейства «первенствующих» Херсонеса, «хотя последнее утверждение следует еще, конечно, доказывать»¹¹².

Эдикт Юстина II, изданный в 569 г., определял, что гражданскими начальниками провинций могли избираться епископы из состава «способных и достойны», «после чего избранных должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение». Необходимо заметить, что подобную провинциальную знать формировали в VI-VII вв. из членов курии, знатных и родовитых представителей городской аристократии, в итоге слой частично смешивался и совмещался с представителями «провинциального военно-административного аппарата»¹¹³.

Они были в курсе нужд город, где родились и проживали. Например, «Василики уточняли, что от «городского первенствующего» зависело распределение общественных повинностей среди горожан для их выполнения»¹¹⁴. По факту они не имели отличий от чиновников в своих функциях, а «самоуправление по имперскому поручению в условиях прогрессирующего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «нобилей», а в VIII-IX вв. выродилось в институт «властвующих» – всевозможных архонтов разных рангов»¹¹⁵.

---

¹¹² Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. 1998. – С. 302-303. Рис. 2, 4.

¹¹³ Курбатов ГЛ. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. Л., 1971. – С. 204;

¹¹⁴ Курбатов ГЛ. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55. – С. 71-72.

¹¹⁵ Beck H.-G. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // BZ. 1965. Bd. 58. Hf. 1. S. 18.

Г.-Г. Беком отмечалось игнорирование участия родовой аристократией в управлении и осуществлении центральных административных функций, но замечалась связь с провинцией и ее управлением.

Упадком античного землевладения в Херсонесе подтверждается вывод о том, что с начала раннего средневековья органы управления городом (не только в Херсонесе, и в других городах Византии) состояли из самых влиятельных и богатых горожан, преимущество отдавалось солидным торговцам, связанными с морской торговлей в крупных масштабах с другими центрами империи, а так же ростовщикам, домовладельцам, некоторым крупным предпринимателям, получавшим «доходы от местного соляного и рыбозасолочного промыслов»¹¹⁶. В первой половине X в. эти «первенствующие» в Херсонесе являлись чиновной знатью, это подтверждается наличием «печатей царского спафария ἐπί του οὐκειακόν – чиновника, имевшего отношение к управлению императорскими имуществами, именьями и одновременно протевона Михаила»¹¹⁷. Такими полномочиями могло обладать только официальное должностное лицо, которое было довольно далеко от давних традиций выборов куриалов и полисного самоуправления. Эта должность реально существовала и была сопряжена с выполнением определенных функций, таких как административные, судебные и финансовые. Должность была явно управленческой, но совсем не относилась к самоуправляемой по античной форме муниципальной организации. Важно, что в IX-X вв. титул πατέρες της πόλεως был тесно связанным с должностью епарха, видимо, из-за особой попечения епарха благоустройством и снабжением города продовольствием.

---

¹¹⁶ Зубарь В.М., Сорочан СБ. О положении Херсона в конце V-VI в.: политический и экономический аспекты // Херсонский сборник. 1998. Вып. 9. – С. 123,124-126.

¹¹⁷ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратегов византийской фемы Херсон // Античная древность и Средние века. – Симферополь, 1995 – Вып. 27: Византия и Средневековый Крым. – С. 91-97.

Без поддержки центральной власти такую должность было достаточно трудно представить, как и ещё одну должность чиновника империи – городского эдикта. Н.А. Алексеенко утверждает о наличии определенных черт независимости и самоуправления. Он считает, что несмотря на то, что эдиктами Херсонеса представлялась муниципальная власть, они помимо этого несли «обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации»¹¹⁸. Хотя наверное правильной будет другая формулировка: именно из-за государственной службы чиновников ими одновременно представлялась власть византийского города.

В.Г. Васильевский не считает, что Херсон обладал широкой независимостью, как и прочие причерноморские окраинные города, так как они и не нуждались в освобождении от центральной византийской власти, а верховное правительство соглашалось с их относительной, по факту призрачной, автономией не только в форме необходимости, но и осознанно, как обеспечение максимальной преемственности местного управленческого аппарата, гибкости и эффективности торговли, налаживания контактов с соседями и способа «избежать недовольства центром»¹¹⁹.

«Призрачность» такой самостоятельности доказывается штатом администрации, которым контролировалась и направлялась городская жизнь. Центральная власть постоянно контролировала Херсон даже до окончательного присоединения его к империи, а правители довольно часто затрагивали город своими указами и эдиктами. Так например, Феодосий I позволил федератам-варварам поселиться в Херсоне и его округе, а Гонорием в 408 г. это право было подтверждено¹²⁰. В сентябре 419 г. постановлением

---

¹¹⁸ *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсонеса // МАИЭТ, 1996. Вып. 5. – С. 163-163.

¹¹⁹ *Заливалова Л.Н.* Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. –С. 156.

¹²⁰ *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. – С. 67.

Гонория и Феодосия II были освобождены от наказания херсонцы, раскрывшие варварам секреты кораблестроения. Императорская власть возложила на Херсон исполнение «морской повинности», которая по факту являлась поставкой корабельного снаряжения, «причем отменена она была (да и то, видимо, ненадолго) только в последней четверти VI в.». Во время правлений Зинона-Юстиниана I гражданскими делами в Херсоне ведала префектура Востока, к которой и относились комиты, которые не присылались в Херсон без конкретных поручений¹²¹. Комиты, являвшись исполнителями государственной политики, занимались курированием городских вопросов Херсона. Комит контролировал деятельность викария, который, выполнял и военные функции, помимо ведения над практионом, который собирал разнообразные налоги, в том числе с торгово-ремесленного населения. Итак, мы видим четкую иерархию власти, схожую с композицией поздних византийских стратиггов, хартуляриев и коммеркиариев или протонотариев. Комит, соответствовавший стратигу, осуществлял надзор за военной и гражданской властью, так как, он не только командовал войсками, но и осуществлял контроль над городскими финансами. По всей видимости, «уже до введения в империи фемной системы управление у Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников». Правление Юстина II, Маврикия и Тиверия характеризовалось сохранением присутствия в Херсоне государственных чиновников¹²². Но комит в Херсоне был заменен стратилата и дуку, выполнявших аналогичные функции. Комит являлся представителем центральной власти Византии в Северном Причерноморье и обладал функциями гражданского управления, командовал и вооруженными силами Херсона.

---

¹²¹ Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. – С. 138.

¹²² Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906. Вып. 18. – С. 122—123.

В империи все платили подати. Эдиктом Юстина II от 569 г. подчеркивалось, что «от них не должны были быть свободны ни «божественный дом» (οὐ Θεῖος οἶκος), ни церковь, ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов»¹²³. Уже на рубеже VI-VII в. в Херсоне существовали специальные имперские налоговые чиновники, например аркарий, собиравший деньги в кассу ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедрот»¹²⁴. Н.И. Храпунов утверждает, что идёт речь «не о сборщике податей, а о казначее богадельни или приюта»¹²⁵, но это в любом случае государственный финансовый чиновник, обладающий в городе казенными полномочиями и каким-то образом связанный с сакеллой.

Можно поставить следующий вопрос: на чем строится постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что уже при Ираклии или во всяком случае «не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти»¹²⁶. С этим тезисом никак не согласуется назначение в город имперских титулярных чиновников, примером чему может служить спафарий Илья, дорифор – «копьемосец» василевса, в 711 г. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против «непопулярного» императора. Несмотря на дискуссионность понятия «византийский провинциальный архонт», точным

¹²³ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. – М., 1996. – 256 с.

¹²⁴ Соколова И.В. Византийские печати VI-первой половины XI в. из Херсонеса. – С. 203, 206

¹²⁵ Храпунов Н.И. Администрация euageis oikoí в Херсоне // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. – С. 358-359.

¹²⁶ Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. // ПХХ. 1908. Вып. 3. – С. 22.

является тот факт, что преимущественно должностные лица, представители верховной власти из числа богатых провинциальных земельных собственников и владельцев недвижимости входили в центральную административную систему, ведали гражданским и военным руководством, решали вопросы обороны, руководили ополчением стратиотов, занимались разнообразными вопросами местного управления и финансов. Важной особенностью является тот факт, что главы архонтатов почти всегда имели один и тот же уровень, что и в VIII—IX вв., относились по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев. Эти же звания имели в основном архонты Херсона, которые, таким образом, были в том же положении, что и главы других архонтий. Как и другие архонты в Византии, они перестали появляться в таблице чинов и должностей в последней трети IX столетия, но кризис «полисного самоуправления» Херсонеса к этому совершенно не относится.

Таким образом, этот признак городской жизни – городское управление – был в Херсоне таким же, как и в Византии в целом, хотя и в своеобразной форме.

Выводы о сепаратистских тенденциях в Херсоне, «извечном стремлении херсонских городских властей к самоопределению и независимости» основываются главным образом на предписаниях, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата «Об управлении империей» советовал применять в отношении херсонитов в случае их неповиновения центральной власти¹²⁷. Однако подобного рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом имперском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Например, свидетельства «Чудес св. Димитрия» показывают, что накануне

---

¹²⁷ Храпунов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *πατέρες της πόλεως* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. – С.166.

последней осады Фессалоники славянами в 676-678 гг. среди высшего социального слоя горожан, ее «первенствующих», имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Константинополе знати¹²⁸. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена. В целом ситуация очень напоминала ту, которая сложилась вокруг Херсона в 711 г., только вместо славян здесь присутствовали хазары.

Чем же «самоуправляемый и независимый» Херсон отличался, например, от Селевкии – крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах империи, только не северных, а еще более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII – начале VIII в., еще до того, как Селевкия – метрополия Исаврии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирреоты, она имела и сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, хотя ее управление находилось в руках имперских чиновников, о чем свидетельствуют находки моливдовулов. Оппозиционные настроения периодически возникали и в южно-понтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи.

Прекрасно укрепленный Херсонес обладал сплошной крепостной стеной (на отдельных участках двойной). Двое больших ворот с принадлежавшими к ним башнями, прикрытые протехисмой, служили въездом в город. Число башен простиралось до 42, а самые стены достигали трех-четырёхметровой толщины и во многих местах имели высоту около 10

---

¹²⁸ Макаров Д.А. Роль и значение города в системе территориальной организации публичной власти в византийской империи // Ленинградский юридический журнал. Выпуск № 1 (35). 2014. – С.54-58.

м. Полицейский аппарат Херсона, вероятно, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных ее источников – политических ссыльных. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за отделение от империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения раннесредневековый Херсон являлся на удивление лояльным, послушным имперским городом, а сами херсониты – вполне образцовыми верноподданными ромеями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в работе исследование помогает нам сделать вывод, что рассматриваемые города ранневизантийского Востока (Антиохия, Кесария Палестинская, Херсонес) обладали определённой самостоятельностью, но контролировались центральной властью и подчинялись правительству империи. До сих пор не решён спор о континуитете ранневизантийских городов – непрерывности их существования в позднеантичный и раннесредневековый период. Два крупных ученых (А.П. Каждан и М.Я. Сюзюмов) придерживаются абсолютно противоположных точек зрения и не могут найти верную и полностью подтверждаемую источниками точку зрения. Каждан рассматривает исключительно торгово-производственную и военную функции города, а Сюзюмов обращается к судебной, церковной и епископской, административно-фискальной, культурной функциям. Таким образом, Сюзюмов для аргументации континуитета византийских городов обращается к существованию муниципальной власти в них.

Что касается финансовой основы существования города, то растет финансовая зависимость городов от центрального правительства. В начале IV в. курии ещё испытывают поправки со стороны власти, но уже в середине века политика императоров к куриям становится похожей на отношение к государственной структуре с конкретными обязанностями. Значительную роль в финансовой системе курии сыграли благодаря их включению в систему сбора государственных налогов, теперь они стали элементом цепочки по сбору податей и их деятельность тщательно контролировалась вышестоящими структурами.

Основными участниками отношений в сфере муниципального управления являлись дефенсоры общин, «отцы» (*patres*), епископы, «граждане» (*civiles*). В дальнейшем для контроля деятельности курий был создан институт виндиков – правительственных наместников в городах. В Антиохии в IV в. значительно снижается значение курий в экономической сфере и общественно-политической городской жизни. Курия во второй

половине IV в. неспособна эффективно держать под контролем состояние городского рынка, что ведёт за собой возрастающее влияние государственных чиновников. Одним из важных элементов античного муниципального самоуправления в Антиохии, например, являются городские защитники, синдики, экдики – городские адвокаты, выдвигавшиеся курией из числа куриалов, самых известных в городе адвокатов. Так же уже в IV в. там усиливается роль епископов в гражданской городской жизни. То есть курия стала не единственным органом, стремившимся защищать интересы города перед центральной властью, теперь к ней присоединилась и церковь, которая постепенно стала наделяться определенными правами в управлении городскими вопросами.

В Кесарии Палестинской Административное управление провинцией осуществлял наместник или губернатор. С середины II в. появился титул презид (*praeses*), который на протяжении III в. превратился в титул наместников всяких провинций (различия между ними полностью стерлись). В Кесарии палестинской муниципальное самоуправление охватывало лишь греко – римское население, в то время как евреи и самаритяне управлялись отдельно. Основные должностные лица в Кесарии Палестинской – это дуовиры, понтифики и др. Хотя местные власти там и сохраняли определенную степень автономии, явные признаки императорского надзора и контроля над муниципальными делами постепенно проявляются. Таким образом, в IV веке происходит упадок значимости курии и в других областях политической и экономической жизни города.

Что касается Херсона (Херсонеса), то в отношении этого города существует гипотеза о «призраке самоуправления» – о значительной независимости и самостоятельности от центральной верховной власти империи. Но множеством источников доказано, что Херсонесская самостоятельность не отличалась от независимости других городов более широкими привилегиями, город обладал независимостью в равной мере с остальными городами ранневизантийского Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Источники

1. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. – М.: Вече, 1996. – 256 с.
2. Иоанн Лид // Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 4: Иоанн Лид / перевод с англ. и сост. М.М. Сеницы под ред. Н.Н. Болгова. – Белгород, 2014. – 176 с.
3. Либаний. Речи. В 2 т. – СПб.: Свое издательство, 2015. – 922 с.
4. Памятники позднеантичной ораторской и эпистолярной прозы. – М.: Наука, 1964. – 488 с.
5. Прокопий Кесарийский. История войн Юстиниана. – М.: Мысль, 1996. – 522 с.
6. Феофилакт Симокатта. История. – М.: Вече, 1996. – 223 с.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1989. – 501 с.

II. Исследования

1. Abel F.M., Barrois A. Fragments de Cesaree la metropole // RB, XL. 1931. – P. 294-295.
2. Beck H.-G. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // BZ. 1965. Bd. 58. Hf. 1. – P.18.
3. Brunt P.A. Charges of Provincial Maladministration under the Early Principate // Historia. X. 1961. – 250 p.
4. Charanis P. Ethnie Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // DOP. 1959. Vol. 13. – P. 27-32.
5. Hannick Chr. Annexions et reconquetes byzantines. Peut – on parler d'un uniatisme byzantin? // Irenikon. 1993. N 66. – P. 451-474.

6. Jones A.H.M. The Later Roman Empire. – London: Oxford University Press, 1964. – 1022 p.
7. Laniado A. Reserches sur les notables municipaux dans l’empire protobyzantin. – Paris, 2002. – 296 p.
8. Levine Lee I. Caesarea under Roman Rule. – Leiden, 1975. – 236 p.
9. Liebeschütz J.H.W.G. Civic Finance in the Byzantine Period: The Laws and Egypt // BZ. 1966. – P. 389-407.
10. Reid J. The Municipalities of the Roman Empire. – Cambridge, 1913. – 458 p.
11. Rich J. The City in Late Antiquity. – Routledge: New Ed edition, 1996. – 295 p.
12. Sivan H. Palestine in Late Antiquity. – Oxford.: University press, 2008. – 276 p.
13. Smedley J. Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // АП. 1979. Т. 35. – 330 p.
14. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. – С. 65-71.
15. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсонеса //МАИЭТ, 1996. Вып. 5. – С. 163-163.
16. Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997-1998. Харьковский историко-археологический сборник. – Харьков: Бизнес Информ, 1999. – С. 150-154.
17. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 521 с.
18. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. – С. 138-143.
19. Болгов Н.Н., Болгова А.М., Агаркова Ю.Н. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время // Кондаковские чтения – IV. Белгород, 2013. – С. 78-83.

20. Ващева И. Ю. Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). 2005. – С. 13-25.
21. Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV – VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // Византийский Временник. №24. 1964. – С. 35-48.
22. Грушевой А. Г. История формирования византийской провинции Палестина Третья // Византийский временник. – М., 1991. Т. 51. – С. 124-132.
23. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратегов византийской фемы Херсон // Античная древность и Средние века. – Симферополь: Таврия, 1995 – Вып. 27: Византия и Средневековый Крым. – С. 91-97.
24. Заливалова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. С. 154-159.
25. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – Киев: Шлях, 2004. – 312 с.
26. Зубарь В.М., Сорочан СБ. О положении Херсона в конце V-VI в.: политический и экономический аспекты // Херсонский сборник. 1998. Вып. 9. – С. 118-132.
27. Каждан А.П. Византийские города в VII—XI вв. // СА. 1954. Т. 21. – С. 164—188
28. Каждан А.П. Кризис и падение Римской империи // ВДИ. 1966. № 1. – С. 131-137.
29. Кулаковский Ю.А. История Византии, т. I. – СПб.: Алетейя, 1996. – 486 с.
30. Курбатов Г.Л. История Византии. – Л.: ЛГУ, 1984. – 207 с.
31. Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). – Л., 1971. – 302 с.
32. Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). – Л.: ЛГУ, 1962. – 248 с.

33. Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // Византийский временник (ВВ). 1994. Т. 55. – С. 68-76.
34. Курбатов Г.Л. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365-366 гг.) // ВДИ. 1965. № 1. – С. 150-156.
35. Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. – Л., 1971. – 390 с.
36. Латышев В.В. Жития святых епископов Херсонских: Исследования и тексты // ЗАН. 1906. Т. 8. Ист.-филол. отд. № 3. – С. 36-45.
37. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. – 143 с.
38. Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906. Вып. 18. – С. 100-138.
39. Липшиц Е.Э. Из истории славянских общин в Македонии // Сборник в честь академика Б.Д. Грекова. – М., 1952. – С. 49-55.
40. Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – С. 421.
41. Макаров Д.А. Роль и значение города в системе территориальной организации публичной власти в византийской империи // Ленинградский юридический журнал. Выпуск № 1 (35). 2014. – С.54-58.
42. Моммзен Т. История Рима. Т V. Кн. 8: Страны и народы от Цезаря до Диоклетиана. Ростов – на – Дону; Феникс, 1997. – С. 360.
43. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. – С. 689-700.
44. Острогорский Г.А. История византийского государства / пер. с нем. М.В. Грацианского; под ред. П.В. Кузенкова. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 914 с.

45. Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. – 264 с.
46. Романчук А.М. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Том 2: Византийский город.— Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. – 618 с.
47. Ростовцев М.И. Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 1907. Вып. 23. – С. 3-12.
48. Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. – 293 с.
49. Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. – М., 1989. – С. 6-55.
50. Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // Византийский временник (ВВ). №60. 2001. – С. 61-76.
51. Соколова И.В. Византийские печати VI-первой половины XI в. из Херсонеса // Византийский временник (ВВ). № 13. – С. 201-213.
52. Соколова И.В. Монеты и печати Византийского Херсонеса. – Л.: Искусство, 1983. – 212 с.
53. Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. – С. 21-46.
54. Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX вв.) // Византийский временник (ВВ). XXVII. 1967. – С. 67-70.
55. Сюзюмов М. Я. Византийская «Книга Эпарха». М.; Л., 1962. – С. 24.
56. Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. – 396 с.
57. Сюзюмов М.Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в ранневизантийском городе. АДСВ. – 1965. – Вып. – С. 39-40.

58. Сюзюмов М.Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. – С. 26—41
59. Удальцова З.В. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана // История Византии. Т. 1. – М.: Наука, 1967. – С. 225-228.
60. Удальцова З.В. Культура Византии. IV – первая половина VII в. – М.: Наука, 1984. – 723 с.
61. Удальцова З.В., Бибиков М.В., Чичуров И.С. Византистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. 1987. Т. 48. – С. 6.
62. Удальцова З.В., Каждан А.П. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии // Вопросы истории. – 1958. – №10. – С. 92.
63. Фихман И.Ф. Египетский город ранневизантийского времени (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксирина) // Византийские очерки, 1971. – С. 131-135.
64. Храпунов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *πατέρες της πόλεως* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. – С.162-164,166.
65. Чекалова А.А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV – первая половина VII в.) // Византийский временник (ВВ). Т. 62., 2002. – С. 6-20
66. Чекалова А.А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // Византийский временник. №78, 1992. – С. 20-35
67. Чекалова А.А. Сенаторская знать Ранней Византии. – М.: Наука, 2010. – 384 с.
68. Чекалова А.А. Сенаторская знать Ранней Византии: стиль жизни, стиль мышления // Античная древность и средние века. Вып. 33., 2002. – С. 12-20

69. Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсонесе по данным печатей // АДСВ. 1998. – С. 302-303

70. Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. // ПХХ. 1908. Вып. 3. – С. 19.

71. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. – С. 19.